

Дарья Волкова

УКРОЩЕНИЕ РЫЖЕГО ЧУДОВИЩА

Дарья Александровна Волкова

Укрощение рыжего чудовища

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67103232
Дарья Волкова Укрощение рыжего чудовища:
ISBN 978-5-17-139346-5

Аннотация

Эта книга подарит не просто удовольствие, она вдохновит и удивит!

Хирургу Варваре Самойловой и в страшном сне не могло привидеться, что её долгожданный «принц на белом коне» явится к ней на приём в травмпункт в неприглядном облике пьяного наглого дебошира. Но судьба не шутит, а жизнь – лучший сценарист для любовных историй. Новоявленный ухажёр не даёт Варе проходу, и вскоре выясняется, что она влюбилась в него по уши. Но к чему приведёт эта любовь – не знают ни он, ни она. Разница в их характерах влечёт за собой бесконечную череду ссор и примирений. Они не могут жить друг без друга, но и вместе быть тоже не могут. Возможно, сама судьба решила подарить им обоим шанс на любовь, или их встреча – просто роковая случайность...

Содержание

Действие первое	5
Действие второе	17
Действие третье	32
Действие четвёртое	53
Действие пятое	69
Действие шестое	91
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дарья Волкова

Укрощение рыжего чудовища

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Романтика с весёлой приправой»
Оформление переплёта – Екатерина Петрова

© Д. Волкова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Действие первое

На сцену непринуждённо выходит герой. Героиня – в шоке.

*Сильный голос из авторской суфлёрской будки:
«Предупреждаю: герой – упырь! В самом худшем
переносном значении этого слова».*

Пятница, вечер. В травмпункте бенефис. Длится он уже три часа, и конца-краю ему не видно. Каждой второй – пьяный. Каждый первый – рассечения, вывихи и переломы в результате драки. Добрый вечер, «пятница, вечер». Спасибо, что число – не тринадцатое. Дежурный врач – Варвара Глебовна Самойлова, двадцати семи лет от роду, хирург, хоть и молодой, но настоящий, по призванию, да еще и из хирургической династии. Отец – травматолог, брат – детский хи-

рург. Сама Варвара Глебовна нашла себя на ниве общей хирургии. Хотя сейчас, зашивая очередную распоротую руку, со спиной в мыле, не без сожаления вспоминала, как отец с братом в два голоса советовали ей идти в челюстно-лицевую. Нет же. Ей тогда казалось, что общая хирургия – самая настоящая. Всё там есть. Да уж, всё. Столько, что не унести.

К десяти вечера поток сырых и калечных наконец-то иссяк. Но стоило Варе взяться за телефон, чтобы позвонить наверх, в отделение, – дверь распахнулась. И не как положено, а с грохотом о стену. Первой в кабинет вкатилась невеста в пышном платье, следом протиснулся слегка поцарапанный свидетель, потом под руки ввели огромного человека с багровым пятном вместо лица. А потом ввалились еще пяток человек. В травмпункт пожаловала русская свадьба во всей красе – бессмысленная и беспощадная.

– Всем, кроме пострадавшего, выйти, – скомандовала Варвара.

Из-за стола напротив сурово и неумолимо встала ей в помощь медсестра Зоя Анатольевна Волгина.

– Не слышали, что доктор сказала?! Всем посторонним выйти из кабинета!

Тут же начались споры на тему «Кто тут лишний?» и суетолака у двери – Зоя Анатольевна умела одним лишь видом и взглядом внушить уважение и трепет. Варя Самойлова искренне надеялась, что с годами тоже приобретёт этот полезный навык.

В конце концов, из всей толпы в кабинете остались двое: здоровенный детина с отёкшим и залитым кровью лицом и поддерживающий его тип – габаритами и степенью помятости чуть уступавший товарищу.

– На кушетку. – Варя встала из-за стола.

Судя по тому, что верзилу его друг вел под руку, в первую очередь надо осмотреть глаза. Нет, сначала отмыть кровь. Варя кивнула Зое Анатольевне, но та уже была на полпути к перевязочной.

Осмотр показал, что глазные яблоки видимых повреждений не имели. Глаза заплыли из-за гематом. А вот глубокое рассечение по линии челюсти требовало к себе серьёзного внимания. Из парня (а после того, как смыли кровь, стало ясно, что мужчина молод, по виду ровесник самой Вари, может, чуть старше) чуть Гуинплена не сделали.

– Чем это его? – спросила Варвара у сопровождающего, отвернувшись от раковины.

– «Розочкой», – охотно ответил тот.

– Заявление будете в полицию писать?

– Нет, нет! – замахал руками товарищ пострадавшего. – Вы там запишите, что он упал и о стекло порезался. А мы так... Свои люди – сами сочтёмся.

Как могут посчитаться «свои люди», раскраивающие друг другу лица осколками бутылок, Варя предпочитала не думать. Ей было чем заняться.

В зашивании подобных ран она успела порядком подна-

тореть. И теперь руки делали свои работу механически. А хозяйка рук отдала себя на откуп усталым мыслям и вполуха слушала, как Зоя Анатольевна заполняет карточку и задаёт вопросы спутнику того, кого сама Варя как раз в это время зашивала.

Умение за работой болтать – так, ни о чем, чтобы не молчать, чтобы развлечь себя и пациента, – тоже пока не давалось Варе. Особенно сейчас, когда над всем превалировало желание упасть вот на эту кушетку и вытянуть ноги. Или – протянуть. Устала что-то. Прямо очень.

– Ты блондинка?

Варя вздрогнула и чудом не выронила иглу. И только сейчас сообразила, что человек, которому она оказывает медицинскую помощь, впервые заговорил. А до этого он молчал – только шипел, когда убирали кровь с разбитых губ. Всю необходимую информацию Варвара с Зоей Анатольевной получили от его словоохотливого товарища. А теперь пациент вдруг заговорил. Голос у него оказался хриплый. И вопрос мужчина задал неожиданный. Варе вдруг захотелось ответить: «Да». Просто чтобы не спорить. Не спорить с человеком таких габаритов, с разбитым в драке лицом и хриплым, даже грубым голосом.

– Почему вы так решили? – Варя снова принялась за работу.

Он поморщился.

– Я люблю блондинок. Они красивые и послушные. Ты

пахнешь, как блондинка, – он продолжал ей бесцеремонно «тыкать», но Варвара решила и на это тоже не обращать внимания. Он явно нетрезв, а связываться с пьяным – себе дороже. – У тебя хорошие духи. И руки мягкие. Как у блондинки. И задница как у блондинки.

Нет, настоящим чудом было то, что иглу она не выронила сейчас – когда здоровенные мужские ладони нагло легли ей на ягодицы. Он сидел на кушетке, она стояла перед ним – поэтому все условия для такого бессовестного вторжения в ее личное пространство у него были – тем более, с такими длиннющими руками. Варя осознала, что открыла рот, но звуки почему-то не произносились – видимо, от возмущения перехватило горло. Но это было только начало.

– Классная корма. И сиськи у тебя как у настоящей блондинки.

Подтверждая слова, руки оказались на ее груди. Уж тут Варя не выдержала.

– ТЫ!!! УБЕРИ РУКИ!!!

За спиной послышался грохот стульев, который скоро перекрыл грозный окрик Зои Анатольевны.

– Ты что творишь, паразит?!

А «паразит» продолжал гладить ее грудь. На руках у Вари хирургические перчатки, в правой – игла. После первого окрика на Варвару напал какой-то ступор, и она никак не могла сообразить, что правильнее всего сделать. А он всё гладил. Его здоровенные лапищи целиком обхватывали ее

грудь, которую слабо защищали тонкая хлопчатобумажная ткань светло-зелёного хирургического костюма и кружево бюстгальтера под ним. И вдруг к возмущению добавилось приятное тепло – там, под его ладонями. Эти огромные лапы прикасались как-то странно нежно. И одновременно – уверенно. Но, что хуже всего, Варя почувствовала, как среагировали соски. И это ее окончательно отрезвило.

– Убери руки, бесстыжий! – Зоя Анатольевна, кипя праведным гневом, уже стояла за Вариным плечом. – Да что же это творится!

– Тин, ты чего! – подросла помощь с другой стороны в виде товарища «бесстыжего». – Тиныч, это же доктор! Она тебе морду зашивает. Тин, убери лапы, добром прошу!

– Не могу, – честно ответил человек со странным именем, а, впрочем, наверное, прозвищем – Тин. – Они же так и просятся потискать.

Пальцы сжались сильнее. Возмущение в голове и тепло внизу живота заставило Варю зашипеть. Нет, это уже просто ни в какие ворота не лезет! Она, врач, человек с высшим образованием, позволяет какому-то упырю лапать себя в процессе оказания медицинской помощи!

– Руки убрал быстро! – Получилось почему-то шёпотом.

– Не-а. – Он помотал головой и попытался улыбнуться. И того, и другого делать с распоротой щекой не стоило.

– Не смейся и головой не мотай! – Варя мигом забыла о том, где находятся его руки. – Рана разойдётся!

– Так, всё, я звоню Даниле Григорьевичу! И охранника сейчас позову. – Медсестра решительно обернулась к двери. – Если по-хорошему не понимает!

– Не надо никому звонить! – всполошился друг неугомонного Тина. – Сейчас я его уговорю. Тиныч... Тишка... прекрати дурака валять. Это же доктор. Так же нельзя. Давай, убери руки.

Попытка отвести руку силой провалилась. Мужчина на кушетке дёрнул плечом и рыкнул:

– Славян, не лезь!

– Я за охранником, Варвара Глебовна! – уже от двери крикнула медсестра. – Сейчас быстро ему объяснят, что к чему и как себя вести надо в медучреждении.

– Не надо, охранника, Зоя Анатольевна. Сама справлюсь.

Ей ведь говорили. Ее ведь предупреждали. Что будет непросто. Что хирургия – дело не женское. Она никого не стала слушать. Так что теперь обязана справляться сама. Без охранника, без Данькиной помощи и, по возможности, без скандала. Навык пресекать хамство пациентов тоже необходимо приобретать. И – самой. Никто не научит. Она сама в это ввязалась.

– Так, слушай, ты. Тин или как там тебя. Если ты сию же секунду не уберёшь руки, я зашью тебе рот. Понял меня?

Хорошо бы еще в глаза сурово посмотреть. Но его глаза заплыли и вряд ли он ими что-то разглядит.

– Ну что, будем рот зашивать?

– Что ж ты злая такая, лапушка? – вздохнул он. Погладил еще раз, самыми кончиками пальцев – и тепло снова вспыхнуло неуместными искрами. А потом руки все-таки убрал. – За задницу хоть можно подержаться?

– И нос зашью.

– Понял. – Он опустил руки на кушетку. – Тебя величать-то как, сердитая?

Варвара промолчала. Зато мысленно поздравила себя с победой над пьяным хамом. Так держать.

– Варвара Глебовна, охранника звать? – поинтересовалась Зоя Анатольевна.

– Не надо. Так договорились, – Варя снова принялась за работу. Пока они препиралась, накровило преизрядно. Пришлось менять марлевую турунду.

– Значит, Варвара? – не унимался ее горе-пациент. – Не идёт тебе это имя.

– Помолчи, а? Ты мне шить мешаешь, – Варвара поняла, что церемониться смысла уже нет.

– А я шёпотом, – просипел он.

Варя невольно улыбнулась – вышло у него это забавно.

– Ты замужем?

– Нет.

– Почему?

– Принца жду.

– А... Чего, не торопится пока принц?

– Да не видно что-то.

– Капризная, – почему-то весело хмыкнул тип.

– Мы, блондинки, все такие. Слушай, серьёзно тебе говорю – помолчи. А то шов кривой будет. Ты и так не красавец.

Он едва слышно фыркнул. А Варя почувствовала, как ноги коснулись его пальцы. Провёл вверх. Потом вниз, до колена. Да шут уже с ним, за ногу пусть лапает, всё равно два стежка осталось. Лишь бы не мешал!

Но вот наконец последний узелок завязан, повязка наложена, листок с рекомендациями вручён в руки сопровождающего лица, которое рассыпалось в благодарностях, выводя своего подопечного из кабинета. Перед дверью ее бедовый пациент обернулся.

– До завтра, красавица. Я завтра забегу.

– Забегай. На перевязку. Трезвый.

Дверь закрылась. И она с медсестрой остались в кабинете одни.

– Зоя Анатольевна, посмотрите, там еще есть кто?

– Пусто! – довольно отрапортовала медсестра, выглянув за дверь. – Чай пьём?

– Пьём, – согласно кивнула Варя, садясь на место. И тут заметила на углу стола красную бумажку. Пять тысяч рублей. – Это они оставили?

– А кто же еще? – пожала дородными плечами Зоя Анатольевна. – Хоть какое-то понятие о совести есть, если денег оставили за всё, что тут натворили.

– Заберите себе, – прозвучал резко голос Вари.

– И не подумаю, – отмахнулась медсестра. – И вы эти ваши привычки бросайте, Варвара Глебовна. Считайте это компенсацией за потраченные нервы.

Но Варю не оставляло ощущение, что эти деньги – плата за возможность полатать ее. Однако, пришлось взять – переупрямить Зою Анатольевну невозможно. Убрав купюру в стол, Варя сняла трубку с телефонного аппарата для местной связи.

– Данила Григорьевич, привет.

– О, разговариваешь? Хороший признак. Давай, Вареничек, поднимайся, чайник как раз вскипел.

Варя вздохнула. За то, что любимый братец растрезвонил всем общим друзьям ее домашнее прозвище, которым называл ее отец, Варвара была готова Николеньку придушить. Да что толку от той готовности? Мечтать, как говорится, не вредно. Опять же, грех не рождённую еще племянницу безотцовщиной оставлять.

– Леськины слойки с сыром не все умял?

– Самую маленькую и чёрствую тебе оставил, – рассмеялся в трубку Данила Шаповалов, сокурсник ее дорогого брата и Варин нынешний коллега. – Давай, шевели лапами, Вареник.

– Я в отделении чаю попью. – Трубка глухо звякнула о рычаг.

– И то верно, – кивнула медсестра. – Поди за эти полчаса никто к нам под дверь помирать не приползёт.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – демонстративно сплюнула через левое плечо Варвара. И уже от входа вдруг обернулась. – А этого, последнего, как зовут? Товарищ его Тином называл. Как полное имя?

– Да всё у этого упыря не как у людей! – фыркнула Зоя Анатольевна. – Тихон его имя.

– Тихон? – Варя удивилась. Имя редкое.

– Тихон! – подтвердила медсестра. – Так мало того, что Тихон. Так он же еще и Аристархович! Да еще и Тихий.

– В каком смысле – тихий? Что-то я не заметила, что он особо тихий.

– Фамилия его – Тихий. Тихий Тихон Аристархович. Вот же дал господь и родители имя-отчество.

Насчёт господя Варя не была уверена, а вот родители у гражданина Тихого явно люди со странным чувством юмора. Тихон Тихий. Трудно подобрать имя и фамилию, которые так ему не подходили. Да еще и Аристархович. Чудной.

Позже, после чаепития в обществе Шаповалова и слоек с сыром, испечённых хозяйственной Данькиной супругой, уже проваливаясь в долгожданный сон, Варя вдруг подумала, что такие странные типы, как Тихон Тихий – неизбежная часть работы хирурга. В травмпункте еще и не такое увидишь. Хотя после особо тяжёлых дежурств, таких, как сегодня, ей начинало казаться, что весь мир состоит из таких придурков, как гражданин Тихий. А еще она успела подумать о том, что надо бы убавить требования и снизить планку. И завести се-

бе какого-то мужика для здоровья. Чтобы организм не подводил в самые неподходящие моменты. На этой мысли Варя заснула.

Действие второе. Герой отмыт и выглядит чуть...

Действие второе

Герой отмыт и выглядит чуть симпатичнее, но героиня по-прежнему не в восторге. А еще на сцене появляется любимец публики.

Из авторской суфлёрской будки слышится звяканье ложечки о стенки стакана. Потом слышатся довольное причмокивание и голос: «Коля, помни: тут ты – не главный герой. Поэтому много не выступай».

Кабинет врача. Любой, кто обратил бы внимание на сидящую за угловым столиком пару, понял бы сразу – это близкие родственники. А если этот «любой» еще и не идиот, то он догадался бы и о том, что они брат с сестрой. Потому что оба рыжие. У нее волос много, они яркие – солнечная кудрявая копна, которая притягивает взгляд. У него – короткий ёжик

жёстких светло-рыжих волос. Но глаза голубые, внимательные, с каким-то не по возрасту мудрым спокойствием – одинаковые у обоих. И абсолютно одинаковые улыбки. Притом что габариты у них – кардинально противоположные. Он высок, широкоплеч, основателен, и кажется на первый взгляд неуклюжим – для тех, кто не видел его в операционной. Она едва достаёт ему макушкой до плеча, вся состоит из изгибов и округлостей – и фигура, и кудри на голове, и улыбчивый рот. Но всё равно любому и каждому ясно, что они – ветви от одного древа. А уж если прислушаться к их разговору – это станет совершенно неприлично очевидным.

Обсуждены последние новости с работы – рабочая текучка взрослого травмпункта и детского хирургического отделения. Брат доложил сестре о состоянии супруги и ребёнка, которого Люба носит под сердцем. Перемыли косточки родителям – со всевозможным пиететом, конечно. Заодно обговорили грядущий юбилей отца. А потом разговор неизбежно вернулся к тому, что занимало их больше всего. К работе. К будням тех, кто должен, согласно старой поговорке, иметь глаз орла, силу льва и сердце женщины. На двоих у брата и сестры Самойловых всё это есть.

– Наверное, мне тоже пора уже начинать готовить материал для квалификационной работы, – Варя медленно помещивала ложечкой чай. – Как думаешь?

– Конечно, пора, – кивнул брат. – Год пролетит незаметно. А потом, как только время придёт, Глеб Николаевич с тебя

не слезет, пока ты не сдашь на категорию. Жизни тебе не даст.

– Подумаешь, Глеб Николаевич! – фыркнула Варя. – Наш маленький, но гордый травмпункт травматологическому отделению не подчиняется.

– Ваш травмпункт, может, и не подчиняется, – улыбнулся Николай. – А вот если Глеб Николаевич возьмётся за ремень...

Брат с сестрой дружно расхохотались. Это был семейный мем – «папа возьмётся за ремень». Притом что за всю жизнь хирург-травматолог, а ныне заведующий травматологическим отделением Глеб Николаевич Самойлов не то что руку на детей не поднимал, он и голос-то на них повышал от силы пару раз, и то только на сына, и то – совершенно за дело.

– Ладно, убедил, – сказала Варя. – И в самом деле, чего время терять? Чем раньше получу высшую категорию, тем раньше стану заведующей отделением или травмпунктом.

Брат ее, однако, не поддержал.

– И зачем тебе это? Всерьёз хочешь сделать карьеру?

– Коля, ты такие странные вопросы задаёшь, – Варвара несколько резко отложила ложечку. – А ты не хочешь добиться успеха в своей профессии?

– Так то я, – пожал здоровенными плечами Коля.

– Ах, вон оно что... – протянула Варвара. – Знаешь, вот от тебя я такого шовинизма не ожидала. Плохо тебя Любаша

воспитывает. Надо ей выговор сделать. Потом. После того как родит.

– Не передёргивай, – Колька не принимал шутливый тон сестры. – Я о другом. Посмотри на нашего отца. Ты знаешь, кто для него на первом месте.

– Мама и мы.

– Не идеализируй. Ты прекрасно понимаешь, на ком женат наш отец. На своей работе.

– Он любит маму! У них до сих пор такие отношения, что даже мне завидно!

– Да, это так, – серьёзно кивнул брат. – А всё потому, что мама наша – мудрая женщина. И понимает отца. И поддерживает его. Всегда поддерживала. Хотя, думаю, временами ей было очень непросто. Но она никогда не упрекала отца, когда из-за его работы срывались запланированные семейные мероприятия. Когда он сутками не являлся домой. Когда приходил и молчал. Да что я тебе это рассказываю – ты это сама не хуже меня знаешь!

– Предположим. Какая связь со мной?

– Знаешь, – Коля отпил остывший чай, задумчиво позвякал крышкой белого фаянсового чайника. – Я на своей шкуре почувствовал. Как при нашей работе это важно. Что тебя дома ждёт тот, кто понимает. Понимает и поддерживает. Потому что при нашей работе лучше одному быть. Или твоей половинке придётся подстраиваться под тебя. А иначе это будет мучение для двоих. Согласна?

– Коль, ты когда начинаешь философствовать, я прямо пугаюсь. У вас с Любой всё в порядке?

– В полном. Не без эксцессов, но научились. Мне с Любовью повезло. – Брат все-таки улыбнулся, как всегда улыбался, когда говорил о жене. – Повезло от слова «очень». Поэтому я знаю, о чем говорю. Понимаешь?

– Прекрасно понимаю. Я-то одна. Никому жизнь не порчу своим карьеризмом. В чём проблема?

– Ты так и собираешься всю жизнь быть одна? Замужем за работой?

– Знаешь, не все имеют тягу строить монументальные планы на двадцать лет вперёд! – Варя раздражённо откинулась на спинку стула. – Посмотрим. Может быть. Я пока не знаю.

– А ты подумай, – Колька снова посмотрел на нее даже не серьезно, а хмуро. – Думаешь, найдётся мужчина, который сможет смириться с таким режимом работы жены? Хирургия – дело...

– ...не женское! – зло закончила за брата Варя. – Я прекрасно помню! И знаешь, что? Это МОЙ выбор! Мне нравится этим заниматься. Я хочу добиться успеха в том, что мне нравится. Разве это плохо?!

– Не плохо, – Николай сокрушённо покачал головой. – Но спроси себя: ты готова добиться успеха ценой личного, человеческого... женского счастья? Ты не хочешь детей? Или хочешь? Как ребёнок впишется в карьеру успешного, много

оперирующего хирурга?

– Такое ощущение, что гормоны на фоне беременности шалят не у твоей жены, а у тебя!

– Задел за живое?

– Да иди ты! – прошипела сквозь зубы Варя. – Вот скажи мне, раз ты такой умный: что мне теперь диплом свой на помойку выкинуть и срочно кинуться личное счастье обустроить? Раз ты у нас такой великий планировщик человеческих жизней, подскажи, что делать? Дай совет.

– Работай пока в травмпункте – раз уж тебя туда занесло. Сдай на категорию. Выйди замуж. Роди ребёнка. И после декретного отпуска иди работать в частную клинику. В косметологию, например. Или в пластическую хирургию. Работа спокойная и при деньгах всегда будешь.

– Лазером послеоперационные швы выводить и ботокс вкалывать?

– Чем плохо?

– Знаешь... – Варя смерила брата таким взглядом, словно видела впервые. – Сейчас, как никогда, мне хочется разбить что-нибудь о твою голову.

– Если тебе полегчает – разбей. Правда, Любе, например, это не помогает.

– Ты все-таки Звероящер!

– Я твой брат. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И чтобы у моего ребёнка были двоюродные братья или сестры. А не только тётя – заведующая отделением.

В кабинет, посмеиваясь, зашла Зоя Анатольевна.

– Там этот наглый Тихий пришёл.

– Так наглый или тихий? – спросила Варя, не отрываясь от заполнения очередной медицинской карты.

– Два в одном. Хоть трезвый. А не как в прошлый...

Медсестру прервал звук открывшейся двери. Варя подняла голову. Гражданин Тихий явился на перевязку.

Отёки немного спали, и стали видны глаза. Выражение лица стало более осмысленным. В остальном Тихон Тихий выглядел ненамного лучше, чем накануне. Мелкие царапины, гематомы и белая повязка украшали лицо. На впечатляющей габаритами мужской фигуре был костюм. Варя не смогла вспомнить – тот ли это, в котором он был вчера, или другой. Но ощущение было такое, что в этом костюме гражданин Тихий спал. Что обидно, костюм явно дорогой: видно было и по покрою, и по тонкой ткани – только стопроцентно натуральные ткани могут так беспардонно измяться. Похоже, Тихий относился к категории мужчин, вовсе не умеющих носить костюм. Например, Варин брат Николай костюмы ненавидел люто и утверждал, что они идут ему как корове седло. Тихон Аристархович, похоже, был из той же породы. Потому что выглядел Тихий в этом своём дорогом костюме как самый натуральный бомж. Варя поймала себя на мысли, что вот-вот улыбнётся. Непонятно чему.

– Явился – не запылится, – фыркнула Зоя Анатольевна. – Проспался?

– Здравствуй. – Посетитель медленно повернул голову к медсестре. Потом снова обернулся к Варя. – А-а... Варвара где?

Варя прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Я за нее сегодня. Проходите.

Она встала из-за стола. Он сделал пару шагов ей навстречу. И хмуро уставился сначала на ее рыжие волосы. Потом на грудь. Точнее, на бейдж. Несколько раз моргнул.

– Значит, это вы... Варвара... Глебовна.

– Рада, что мы снова на «вы», как цивилизованные люди. – Варя никак не могла понять, чем ее так веселит присутствие этого «Тина» с растерянным выражением на лице. Вчера он ее бесил. А сегодня почему-то, глядя на него, хотелось улыбаться. – Садитесь на кушетку, Тихий.

– Раздеваться надо?

– Нет.

– Жаль... – Он послушно опустился на кушетку. Наморщил лоб. – А почему я решил, что ты... вы... блондинка?

– Отличный вопрос, – хмыкнула Варя, осторожно снимая повязку. – Это у вас была вчера такая эротическая фантазия.

– Что эротическая – это я помню, – ответно хмыкнул он.

– Так, всё, помолчите, пожалуйста. – Варя приготовилась обрабатывать шов, мысленно дав себе наказ внимательнее следить за тем, что говорит. – Надеюсь, предупреждать второй раз о том, чтобы вы держали руки при себе, не нужно? Рот не будем зашивать?

Он вдруг откинул голову назад и посмотрел ей в лицо. У него серые глаза. Тёмно-серые и весёлые.

– Значит, это правда? А я думал, Славка надо мной прикалывается. Пользуется тем, что я почти ни хе... ничего не помню. Я тебя лапал?

– Еще как лапал! – подала голос Зоя Анатольевна. – Сколько лет в травмпункте работаю, а такую наглость в первый раз видела!

– А я вообще уникам.

– Уникум, помолчи минуту, а? Дай перевязку нормально сделать.

Он дисциплинированно замолчал. На то, что его правая рука гладит ее по колену, Варя решила не обращать внимания. А, может, просто уже не удивилась. Зато всё сделала быстро. И шов хороший, ровный и чистый. Несмотря на все безобразия, что вытворял в процессе его наложения пациент.

– Ну, всё, Тихон Аристархович. В понедельник в то же время. А потом через день.

– Давай, в кино сходим?

Он сидел рядом с ее столом, положив ногу на ногу и подперев ладонью нетравмированную щеку. Сидел как ни в чем не бывало – исцарапанное лицо в синяках, костюм, словно бегемотом изжёванный и свежая белая повязка. Какой-то настолько нелепый и несуразный, что даже сердиться на него не получалось, – при всем на то желании и поводах.

– Кино? – Варвара отложила авторучку. – Я узнаю в лекционном зале, когда будут показывать документальный фильм о вреде алкоголизма.

– Тебе парк ВДНХ нравится? – Он будто не слышал ее слов.

– Тихий, изыди! – Она все-таки рассмеялась. – Меня пациенты ждут, мне работать надо. И вообще, ты блондинок любишь, – Варя не заметила, как снова сбилась на «ты».

– Я уже смирился с тем, что меня нагло обманули.

– Нет, вы посмотрите на него! – не выдержала Зоя Анатольевна. – Обманули его! А ну марш отсюда, обманутый! Не мешай людям работать.

– Злая вы, тётенька, – вздохнул Тихий.

– Тамбовский волк тебе тётенька! – Суровая медсестра не выдержала и как-то совсем по-девичьи прыснула. – Иди домой, Тихон. Отлежись как следует. Проспись. С такой помятой рожей разве ж девушек в кино приглашают?

– Разумное замечание. – Он легко поднялся на ноги. – Ну, до понедельника тогда. Дамы цветы, шампанское, конфеты любят?

Зоя Анатольевна уже в голос рассмеялась.

– Дамы любят послушных и спокойных пациентов, – ответила Варя за двоих, изо всех сил сдерживая улыбку.

– Вот чего нема – того нема.

Дверь за Тихоном Тихим закрылась.

На следующий день Тихий явился на перевязку с огромным букетом бордовых роз и коробкой явно дорогих шоколадных конфет. А еще он наконец-то сменил мятый костюм на вполне нормальные джинсы и рубашку. И то, и другое было чистое, не измятое и шло ему гораздо больше, чем изжёванный костюм из серого льна. Да и отёки почти сошли на нет. В общем, вполне похож на человека. Только повадки всё те же – упыриныные.

– А где шампанское? – неизвестно зачем подначила его Варя.

– В машине. Сбегать?

– Добегаешься сейчас! Марш на кушетку.

– Раздеваться? Я сегодня без трусов.

– Тихий, я всё-таки зашью тебе рот! – У Вари с утра настроение повышенно-кровожадное. Причина банальна и имеет гормональную основу. ПМС как он есть. И рука, гладящая колено, вызывает особенно сильное раздражение.

– У тебя такие пальцы нежные. И не только... пальцы, – ничуть не испугался Тихон.

– И будешь с зашитым ртом смотреть культурно-просветительское кино о вреде алкоголизма и пользе нижнего белья.

– А нету кина о пользе алкоголизма и вреде ношения нижнего белья? – Рука поползла от колена выше.

– Чего нема – того нема. Тихий, прекрати!

Разумеется, он ее не послушал.

На следующую перевязку Тихий принёс белые розы – всё в том же вульгарном огромном количестве.

– Тихон, ты подрался-то из-за чего? – Медсестра развлекала пациента, пока доктор обрабатывала руки.

Варя с удивлением поняла, что Зоя Анатольевна радикально поменяла свое отношение к самому наглому на Варинной памяти пациенту. Причём причина Варваре так и осталась непонятна. Не в букетах и конфетах же дело? Уж этого добра Зоя Анатольевна повидала. Но сейчас в ее голосе явственно сквозили почти материнские интонации. Притом что сына у Зои Анатольевны не было. Зато наличествовали взрослая замужняя дочь и зять, в котором как раз Зоя Анатольевна души не чаяла.

– Да так... – пожал он плечищами. – Не из-за чего. Не помню.

– Душа просила, видимо, – вставила свое слово в диалог Варя. – И кулаки чесались.

– Вроде того.

– А женился-то кто? – не унималась Зоя Анатольевна. – Ты?

– Не. Друг.

– И хорошо, что не ты, – усмехнулась медсестра. – Потому что после всего, что тут вытворял, ты, как порядочный человек, должен на Варваре Глебовне жениться!

– Давай, Тихий, иди сюда. Жениться будем, – Варвара приглашающе махнула рукой.

– Не, я жениться не могу. – Он привычно устроился на кушетке. – Во-первых, я непорядочный. Во-вторых, у меня на женитьбу аллергия.

– Пробовал, что ли? – рассмеялась Зоя Анатольевна.

– Я и так знаю. Зато всё остальное, кроме женитьбы... Вы только намекните, Варвара Глебовна...

– Слушай, на тебе всё заживает как на собаке, – Варя проигнорировала его слова и залюбовалась чистым темно-розовым швом.

– Давай сегодня в ресторане поужинаем? В очень хорошем. Я за тобой заеду после работы. В котором часу ты заканчиваешь?

– У меня дежурство сегодня.

За спиной кашлянула Зоя Анатольевна. Кашлянула, но промолчала.

– А завтра? – не унимался Тихон.

– А завтра я ужинаю у родителей. Пойдёшь со мной?

– Пожалуй, нет. Рановато для знакомства с родителями. Ладно, обсудим в следующий раз.

За время своих посещений травмпункта Тихий оставил в кабинете пять букетов и столько же коробок конфет. Данила Шаповалов, заглянувший как-то к Варе, сравнил ее кабинет с братской могилой, за что получил нагоняй от Зои Анатольевны, и быстро исправил положение сравнением с цветочным магазином.

В последний день Тихон все-таки притащил шампанское,

и Зоя Анатольевна клятвенно пообещала вечером выпить за его здоровье. Варя же тихо радовалась, что гражданин Тихий больше в услугах травмпункта не нуждается – в полном соответствии со стандартами оказания медицинской помощи.

– Ну, сегодня я за тобой заеду?

Тихон выглядел уже совсем как нормальный человек – немножко поцарапанный, но вполне интересный молодой мужчина. И заклеенная пластырем щека его не слишком портила. Он мог бы даже вызвать симпатию – высокий рост, широкие плечи, короткие русые волосы, серые глаза и ямочки на щеках от улыбки. Если бы не совершенно упыриный характер.

– Нет.

– Почему? – искренне удивился он.

– Потому!

Тихон обернулся за расшифровкой к своей свежеприобретённой союзнице. Зоя Анатольевна пожала плечами.

– Ну, не нравишься ты Варваре Глебовне.

– А как же последний шанс? – Тихон, обернувшись снова к Варе, изобразил мимический этюд «губки бантиком, бровки домиком». Спас Варю звонок местного телефона. Положив трубку, Варвара со страшно умным и деловым видом заявила, что ее вызывает начальство, и быстро вышла. Сбежала, говоря откровенно. Тихий за всё это время ее утомил просто до ужаса. Бывают же такие настырные люди!

Вернувшись в кабинет, Варя удовлетворённо заявила, что

с пациентом Тихим они, наконец-то, распрощались, но Зоя Анатольевна с сомнением покачала головой.

– Помяните мое слово, Варвара Глебовна. Уж вы-то точно его еще увидите. Наглость вперёд Тихона родилась. Он на вас глаз положил и так просто не отстанет.

Варя лишь фыркнула, принимаясь за заполнение очередной бумажки.

– Вот помяните мое слово! – повторила Зоя Анатольевна. Многоопытная медсестра оказалась права.

Действие третье

Герой уже совсем пришёл в себя и блещет гранями своего таланта. Героиня в лёгкой растерянности от его напора.

Из авторской суфлёрской будки, с завистливым вздохом: «Шоб я так жил!»

Мелкий осенний морозящий дождь накрыл влажным одеялом Москву. Варя подняла воротник плаща, глядя на серую хмарь за стеклянными дверями. Выходить на улицу не хотелось. Зонтик – амулет, стопроцентно дающий гарантию от дождя, Варвара утром из дома не взяла, отвыкла. О зонте не думаешь, если у тебя есть машина.

Автомобиль у Вари по-прежнему имеется, только уже вторую неделю железный друг грустит в сервисе – ждёт

какого-то там хитромудрого лямбда-пси-омега-или-имени-еще-какой-то-другой-буквы-греческого-алфавита – датчика. Датчик сломался, без датчика законопослушная корейская машина ездить отказывалась, нужная деталь неспешно добиралась в Москву из далёкой Кореи, а Варя вторую неделю маялась без машины.

Стой – не стой, а домой ехать надо, и туда хочется даже. Под тёплый плед и к горячему чаю. Правда, в виду отсутствия автомобиля, с продовольственными запасами было неважно – Варя всё ждала, когда отдадут машину, и можно будет съездить в гипермаркет и затариться капитально. А машину всё не отдавали, и надо все-таки зайти по дороге в ближайший к дому магазин и пополнить запасы провизии, а то на одном чае с вареньем и сыром долго не протянешь. Только вот по дождю тащиться из магазина с пакетами не хотелось, да и вообще... Может, позвонить отцу? Он работает в том же огромном больничном комплексе, что и Варя, в соседнем корпусе. Если обойти серое с синим здание, то можно увидеть отцовскую машину. И если попросить – отвезёт домой. Варвара тряхнула головой и решительно шагнула к дверям. Делать больше ее отцу нечего, как после тяжёлого рабочего дня заведующего «травмой» везти свою великовозрастную дочь домой на другой конец города.

Отставить нытьё – и марш на остановку.

Всё тот же мелкий дождь украсил бисером капель наполовину застёгнутую чёрную кожаную куртку и затемнил ру-

сые волосы. Под курткой виднелся темно-серый джемпер. Джинсы тоже тёмные, синие. Весь такой чуть ли не нарочито скромный гражданин Тихий стоял в нескольких метрах от дверей травмпункта, прислонившись спиной к совсем не скромной машине. Огромному черному джипу, сверкающему металлом и каплями дождя. И первое, о чем почему-то подумала Варя: «Как Тихий умудрился проехать на территорию больничного комплекса? Ведь там шлагбаум на въезде?» Хотя... чему удивляться? Это же Тихий. Как верно заметила Варина медсестра: наглость вперёд него родилась.

Тихий улыбнулся. Оторвал спину от машины. И приглашающе распахнул пассажирскую дверцу джипа.

Зоя Анатольевна оказалась права. А Варя ей не поверила. Надо было пройти мимо. Надо было. Но она остановилась. Просто чтобы посмотреть на тонкий шрам по линии челюсти. Прекрасно. Просто прекрасно. Знает своё дело потомственный хирург Варвара Глебовна Самойлова.

– Как самочувствие, Тихий?

– Спасибо, неплохо. Вашими молитвами. – Он улыбнулся еще шире. – Ну что же вы под дождём мокнете, Варвара Глебовна? Прошу, садитесь.

– Благодарю вас, мне в другую сторону, – Варя подчёркнуто церемонно склонила голову.

– Уверяю вас, и мне в ту же самую «другую» сторону. – Тихий явно забавлялся.

А вот у Вари напрочь отсутствовало настроение шутить.

Надо было пройти мимо. Надо было.

– Желаю здравствовать, Тихон Аристархович. – Она шагнула в сторону. – Прощу простить, дела, спешу.

– С удовольствием подвезу. – Он зеркально шагнул в сторону. Встал перед ней. – А может быть, все-таки ну их – дела? Давай поужинаем вместе?

Варвара вздохнула. Кроме банального «отстань» или даже «отвали», других слов не было. От слова «совсем».

– Устала? – вдруг спросил Тихон.

– Как собака, – честно созналась Варя. А вдруг Тихий сообразит, что она не в настроении для совместных ужинов?

– Голодная?

– Как целая собачья упряжка!

– Поехали.

Она так и не смогла потом себе объяснить, почему села в машину.

В просторном салоне пахнет приятно – не ароматизатором, а просто приятно. Или Варе так кажется из-за того, что капли красиво сверкают на лобовом стекле, а тебя уютно обнимает кожаное сиденье. И тепло, и что-то мелодичное мурлыкает из динамиков, и машина куда-то катится по умеренным пробкам, и можно расслабиться, и вдруг взять – и ни о чём не думать. Не думать о других участниках дорожного движения, норовящих тебя подрезать, ни о других пассажирах маршрутки, норовящих наступить тебе на ноги. Сейчас Варе до этого нет никакого дела – она единственная пасса-

жирка в машине, созданной не столько для внедорожья, судя по клиренсу и колёсам, сколько для комфорта. И Варвара будет им наслаждаться. Комфортом, в смысле.

– Куда мы едем? – Она сознательно отредишилась от пейзажа за окном. Гражданин Тихий явно любит быть хозяином положения. Вот и пусть хозяйничает.

– Кормить собачью упряжку.

Варя повернулась к водителю. Нет, это все-таки приятно, когда человек делает что-то хорошо. Тихон Тихий хорошо водит машину. Хорошо водит хорошую машину. Это становилось понятно потому, как лежат руки на рулевом колесе, его позе – умеет, знает, практикует.

– Твой холодильник выдержит такое потрясение? Все-таки накормить целую собачью упряжку – дело нешуточное.

– Справимся. – У него дёрнулся уголок губ – и только.

– Машина какой марки?

Варя ожидала, что Тихон будет болтать, не замолкая. И ошиблась в своих предположениях. Пока они ехали, Тихий молчал. Улыбался и молчал.

– Кадиллак «Эскалада». Тактико-технические характеристики интересуют?

– Характеристики чего? – Варя невинно округлила глаза.

– Машины, разумеется. – Он сверкнул обаятельными ямочками на щеках.

– В данный момент меня больше интересуют тактико-технические характеристики обещанного ужина. Чем кормить

будете, Тихон Аристархович?

– На месте сориентируемся.

И снова замолчал. Его молчание не то, чтобы раздражало – удивляло. Пригласил девушку – развлекай.

– Варя, ты, наверное, за день столько людей видишь, и с такой уймой разговариваешь, что после работы хочется помолчать, да?

Варваре удалось не выказать удивления. Так вот в чём дело. Кто бы мог подумать, что Тихон способен думать о других? Кто бы мог предположить, что он способен на такие верные умозаключения?

– Когда как, – ответила она уклончиво. И тут же перевела разговор: – А что это за мелодия?

– Это... – Тихон отвлёкся от диалога на какой-то непростой дорожный манёвр. – Да муть какая-то играет по радио. Переключить?

– Не надо.

Хрипловатому грустному саксофону и переливам фортепиано идеально аккомпанировал стук капель по стеклу. Это был джаз. Практически джаз дождя. И в «муть по радио» Варя почему-то не поверила.

Дождь припустил с новой силой. Глядя на струи воды на стекле, Варя гадала, как они с Тихоном доберутся до дверей заведения и как сильно успеют вымокнуть. Разглядеть в такой обстановке местность или хотя бы название ресторана не представлялось возможным.

От дверей ресторана отделилась странная фигура, которая при ближайшем рассмотрении оказалась человеком с огромным зонтом.

– Выходи, – скомандовал Тихий.

Тут же дверца автомобиля открылась, и Варя протянули руку.

«Сервис на высшем уровне», – подумала Варвара, выбираясь из джипа под спасительное укрытие огромного черного зонта, который держал средних лет мужчина в тёмно-коричневом костюме.

– Давай, Никодим, ходу, ходу! – раздался голос Тихона.

Варя решила, что имя Никодим ей послышалось – в компанию к Тихонам и Аристархам. И оказалась не права.

– Добрый вечер, Тихон Аристархович!

Зонт куда-то делся, Варю быстро, но деликатно освободили от плаща. Рядом почти по-собачьи отфыркивался от воды Тихон. Судя по приветствию, Тихий – явный завсегдатай данного заведения.

– Добрый, Никодим Иванович. Как у нас тут – тихо?

– Полный зал, – улыбнулся мужчина.

Неужели в самом деле в наше время на свете живут люди с именем Никодим?

– Погода в самый раз для того, чтобы посидеть в хорошем заведении в хорошей компании.

– По мне так по такой погоде надо чем-то другим заниматься, – хмыкнул Тихон. – Но нам же лучше.

– Вы в кабинет пройдёте или вам в зале накрыть?

– В кабинете давай, – мотнул головой Тихий. Подал Варя руку. – Прошу вас, Варвара Глебовна. Один из лучших ресторанов Москвы счастлив предложить вам своё гостеприимство.

Варя не была большим знатоком ресторанов. Вообще никаким знатоком ресторанов не была. Обстановка внутри показалась ей... добротной – вот, пожалуй, верное слово. Ресторан казался вне времени. Тёмное дерево, сводчатые высокие потолки, каменный пол. Варя проводила взглядом официанта. Потом еще одного. Высокие симпатичные парни, перепоясанные длинными фартуками. Судя по всему, официанток в этом заведении не водилось. А еще у Вари появилось сильное подозрение, если не сказать, уверенность, в том, кому принадлежит этот ресторан. Про «завсегдатая» она, кажется, продешевила.

Отдельный кабинет, в который ее привёл Тихон, оказался уютным – как и весь ресторан. Из памяти вдруг выплыло странное и старинное слово «шпалеры» – кажется, так называются эти тканевые штуки на стенах. Прошуршали ножки стула. Тихон Аристархович демонстрирует прямо-таки образцово-показательные манеры.

– Неужели его действительно зовут Никодим? – Варя, сев за стол, наблюдала, как Тихон развешивает куртку на спинку стула, ерошит влажные потемневшие волосы и устраивается напротив.

– А что не так? – усмехнулся Тихий.

– Налим Никодим гордится собою... – нараспев продекламировала Варвара. – Налим Никодим носит шапку собою... –

Тихий расхохотался.

– Это надо запомнить! Налим Никодим, – покачал он головой. – Надо же! На самом деле он Виталий.

– Зачем тогда?... – изумилась Варя.

– Антураж у нас такой, – то ли всерьёз, то ли в шутку ответил Тихон. – Старорусский. Все тут Никодимы, Феофаны и Прохоры.

– И Тихон Аристархович на самом деле Антон Евгеньевич?

– Нет, – ответил он с тем же непонятным – то ли в шутку, то ли всерьёз – выражением лица. – Тихон как раз настоящий Аристархович.

Их во всех отношениях познавательную беседу прервало появление Никодима-Виталия. Официант встал с блокнотом наизготовку.

– Значит так... – Тихон побарабанил пальцами по столу. – Варвара Глебовна, вы все продукты употребляете? Или что-то не кушаете по идейным или религиозным соображениям?

– Что?!

– Ну, или может... – Тихий потёр бровь. – Аллергия там на что-то...

– Нет, – рассмеялась от неожиданности вопроса Варя. –

Аллергия у нас в семье брату досталась. Я ем всё. Только субпродукты не очень люблю – печёнку и прочий ливер.

– Напрасно, напрасно. У нас такой замечательный пирог с почками. Ну да ладно. Значит так, Никодим Иванович... Ухи нам – налимьей.

– Слушаю-с.

Варвара едва слышно фыркнула этому старомодному «с».

– А на кухне сегодня кто? – продолжил Тихон, приглаживая взъерошенные влажные волосы. – Маргарита Сергеевна?

– Никак нет. Михал Саныч.

– Это жаль. Тогда расстегаи мы не будем.

– У Михал Саныча тоже расстегаи хороши! – вступился за неизвестного Михал Саныча Никодим-Виталий.

– Хороши. А у Марго всё равно лучше, – не согласился Тихий. – Тогда солянки рыбной нам.

– Всё записал!

– Ну и для сугреву и аппетиту Варваре Глебовне оформи.

– Сейчас всё будет!

– Значит, вы, Тихон Аристархович, ресторатор? – спросила Варя, как только Налим-Никодим расторопно испарился.

– Да куда там! – Тихий откинулся на спинку стула. – Трактирщики мы. Куда нам до рестораторов. Мы по-простому.

– Трактирщик, – улыбнулась Варвара. – Прямо вот так и представляю вас, Тихон Аристархович, с балалайкой, и в такой рубашке... красной, с застёжкой у шеи сбоку – не знаю, как называется.

– Косоворотка, – подсказал Тихон. – И картуз, да?

– Картуз? Это что, штаны такие?

– Кепка, – ухмыльнулся Тихон.

– Ты владелец? Или управляющий? – Варя решила не церемониться и задавать вопросы в лоб. Какие уж тут церемонии – когда он ее за грудь и задницу успел полапать?

– И то, и другое.

Тут вернулся Никодим Иваныч. В руках он держал поднос, с которого ловко поставил на стол какую-то мензурку с тёмно-красной жидкостью, крохотную рюмку и блюдце с парой микроскопических бутербродов – чёрный хлеб с салом. Варя с изумлением уставилась на стеклянную ёмкость – формой и размером она напоминала лабораторную колбу, из которых они, будучи студентами-медиками, пили спирт как раз в лаборатории. Закусывая семечками.

– Скромно тут у вас, Тихон Аристархович, – хмыкнула Варвара. – Из пробирок пьёте.

– Это, сударыня моя Варвара Глебовна, называется шкалик, – Тихон ловко наполнил маленькую рюмку. – Прошу.

– Что это? – Варя подняла рюмку и посмотрела на свет. Жидкость переливалась всеми оттенками алого и багряного.

– Настойка смородиновая. От Маргариты Сергеевны.

– Какое-то неправильное имя у нее для вашего заведения.

Варя поднесла рюмку к носу и понюхала. Пахло действительно смородиной. И очень даже ароматно пахло. В животе вдруг заурчало – слава богу, не очень громко.

– Для посетителей она Матрёна Семёновна, – ухмыльнулся Тихон. – Пей давай. Нос у тебя уже красный.

– А ты?

– А мне нельзя, – преувеличенно громко вздохнул Тихий. – Я за рулём. И в последнее время до уныния законопослушен.

Она хотела еще что-то спросить, но из рюмки пахло так соблазнительно, что Варвара решила отложить расспросы на потом. Выдохнула и выпила залпом. А потом еще раз выдохнула – от удивления и даже восхищения, облизнула губы и уставилась на своего визави.

– Намёк понял, – рассмеялся Тихон. И тут же снова наполнил рюмку. – Вкусно?

– Обалдеть как!

Вторая рюмка тут же улетела за первой. Сладкое тепло поползло от желудка вверх. А жизнь-то налаживается.

– Закусывай давай, – снова рассмеялся Тихон. А потом капнул себе в ее рюмку чисто символически, выпил и зажмурился от удовольствия. – Ох, Марго, умеет ведь!

И тут принесли уху. Пахла она божественно, пар от нее шёл фантастический. И Варя поняла, что фраза про собачью упряжку была, возможно, не просто фигурой речи. Аппетит проснулся совершенно зверский.

– Налимья, значит? – Она повела носом, пока Никодим Иванович расставлял тарелки.

– Она самая! – улыбчиво подтвердил тот.

– Из того самого налима? – уточнила Варя.

Никодим вопроса не понял, а Тихон расхохотался.

– Нет, налим енисейский.

– Откуда тут енисейский налим? – изумилась Варвара.

– Из Енисея, матушка, из Енисея, – Тихон взял ложку. –

Что у вас с географией, Варвара Глебовна?

– Нормально у меня с географией, – огрызнулась Варя.

Хотела развить свою мысль, но вместо этого пришлось ответить «спасибо» на дежурное «приятного аппетита» от Никодима. А потом она машинально положила в рот первую ложку. И ей стало совсем не до разговоров. Кажется, она ничего в жизни вкуснее не ела. Или это просто она такая голодная? В общем, главным стало – не чавкать.

– Волшебник! – сыто выдохнула Варя спустя несколько минут. – Маг и кудесник! Я чуть язык не проглотила.

– Рады стараться, – улыбнулся Тихон. – Как там поживает собачья упряжка?

– Урчит от удовольствия.

– Солянку осилит?

Варя прислушалась к своим ощущениям и решительно кивнула. А потом с удовольствием допила смородиновую настойку. И у них с Тихоном наконец-то завязался осмысленный разговор. Про уху, налима, Енисей, нюансы ресторанного бизнеса. Но очень скоро разговор прервался на поданную солянку.

И снова – божественные запахи, в этот раз от чугунной

сковородки на деревянной дощечке. Не только пахло, но выглядело всё очень аппетитно. Но попробовать Варвара не успела – Тихон с хмурым лицом потрогал пальцем край сковороды, еще сильнее насупил брови и кивнул стоявшему навстречу метрдотелю:

– Зови Михаила Александровича.

Варя решила не задавать вопросов и подождать развития событий. Любопытно понаблюдать за Тихим в естественной среде обитания.

Позванный Михаил Александрович оказался высоким бледным мужчиной лет сорока пяти, худощавым и в интеллигентных очках. На шеф-повара, в понимании Вари, походил слабо.

– Михаил Александрович... – Голос Тихона звучал негромко и как-то неприятно, нарочито скучно. – Сковорода должна быть горячей. Солянка должна скворчать. А она еле тёплая.

– Тихон Аристархович, я...

– Куски крупные, – все тем же противным скучным голосом продолжил Тихий. – А должны быть мелко и равномерно порезаны. С каких это пор мы позволяем себе такую небрежность в приготовлении и подаче блюд? Вы же знаете, Михаил Александрович, что огрехов в качестве я не терплю.

Повар сглотнул. Варя стало жутко неловко от того, что она стала свидетельницей выговора.

– Тихон Аристархович... Простите, ради бога... Я сей-

час... Я всё исправлю... – Повар схватил со стола сковороду. Голыми руками. Видимо, она и в самом деле была едва тёплой.

– Поставь на место, – негромко и спокойно сказал хозяин.

– Тихон... Тихон Аристархович... Я правда... сейчас, всё сделаю. Простите, ради бога.

Вид взрослого, интеллигентного вида дядьки, распинающегося перед развалившимся на стуле с хозяйским видом Тихоном, был Варе неприятен. Хотя Тихий и в самом деле тут хозяин. Но сути происходящего это не меняло... В общем, смотреть на это было Варе тягостно. Как-то всё неправильно. Унизительно.

– Оставь, говорю. Я доем. А Варваре Глебовне сделай всё как положено. И завтра к десяти зайдёшь ко мне. На душе-спасительную беседу. Последнее предупреждение тебе, Михаил Александрович. И не китайское последнее, а наше, русское.

Михаил Александрович поставил сковороду на подставку. Руки у него заметно дрожали.

– Суров ты, царь-батюшка, – Варя не удержалась от комментария, как только за незадачливым поваром закрылась дверь. – Суров прямо вот не по ситуации. Нормальная же... солянка.

– Вот не надо со мной спорить по поводу того, как должны выглядеть и подаваться блюда в моем ресторане! – Голос Тихона прозвучал резко. А потом он добавил чуть мягче: –

И вообще, я никого насильно не держу. Знаешь, сколько я поварам плачу? В очередь ко мне выстраиваются желающие поработать. Так что, если что-то кого-то не устраивает, то, как говорится: вот бог – вот порог. Силком никого не держу.

– Угу. Добби подарили носок.

– Кто такой Добби? – слегка наигранно изумился Тихон.

Кажется, ему было немного неловко за эту сцену и свои резкие слова. Или нет?

– Неужели не читал «Гарри Поттера»?

– Я две книжки прочитал – одна синяя, другая букварь.

И снова Варя ему не поверила. А Тихий вдруг вытащил из кармана фаблет. В ручищах Тихона аппарат совсем не выглядел большим.

– Я один звоночек сделаю с твоего позволения.

Нет, позволение ему не требовалось. Потому что он уже начал возить по экрану пальцем во время произнесения этих слов. Ну, хоть видимость сделал – и на том спасибо.

– Анята, здорово.

Рано Варя начислила Тихону бонусные баллы за вежливость. Звонить в обществе одной дамы другой – поступок вполне в духе Тихого. – А чего это твой батя с бодунища сегодня?

Даже Варе был слышен взволнованный женский голос из динамика телефона.

– Так, меня слушай! Анята, я пошёл тебе навстречу. Ты полгода назад у меня в кабинете рыдала, просила отца с ра-

боты не выгонять. Ой, не рассказывай мне, какой он специалист на вес золота – я и сам знаю. Цены бы ему не было, если бы за воротник так не закладывал. Угу. Вот именно! Я зачем зарплату Михал Саныча тебе отдаю? Как он у тебя умудрился забухать? На какие шиши? А-а, сосед? Ну, так выдай пинка соседу. Пока я не выдал пинка твоему батю. А даже не фигурально, а вполне буквально – ты меня знаешь. Вот и ладно. Бывай, Анюта.

– Любопытная у тебя кадровая политика, – Варя надо было что-то сказать. – Нестандартный подход.

– Да, приходится воспитывать, – отозвался Тихий, убирая телефон в барсетку.

– А скажите, Тихон Аристархович, боевое ранение, благодаря которому вы оказались в моем кабинете, вы здесь получили? У себя в ресторане?

– Вот еще! – фыркнул Тихий. – У нас заведение почтенное, драк не бывает.

– Что, гости совсем не буянят никогда?

– Кто ж им позволит-то?

– И вышибала имеется? – улыбнулась Варя. – Или это Налим Никодим?

– Я сам кого хочешь вышибу.

Вот в это Варвара сразу и безоговорочно поверила. А тут и солянка подоспела. Скворчащая и мелко нарезанная.

– Варя, тебе десерт оформить?

– Не-ет, – простионала Варвара. – Правда, очень всё вкус-

но, но я больше ничего не смогу съесть!

– Тогда два кофе нам сделай, Никодим Иванович. А десерт – в следующий раз.

– Варвара Глебовна, вам какой кофе?

Варя не успела ответить, Тихон это сделал за нее:

– Так же как мне сделай.

– А если мне не понравится?

– Вот и посмотрим, – сложил на груди руки Тихон. – Вот и проверим.

Посмотрели. Проверили. Оказалось, Тихон Аристархович пьёт кофе с молоком и сладкий, а Варя была уверена почему-то, что он пьёт чёрный, крепкий и без сахара. Брутальные мужчины всегда пьют крепкий и без сахара. А Тихий пьёт светло-коричневое сладкое пойло. Вкусное, зараза. И никак ему не подходящее.

Он, разумеется, отвёз ее домой. Конечно, проводил до квартиры. И задал вопрос, который, как надеялась Варя, человеку, прочитавшему две книги и слушающему «какую-то муть по радио», достанет ума не задать.

– Пригласишь на чашечку кофе?

– Мы уже пили кофе.

– Тогда чашку чая?

– Кончился чай.

– Какао? – спросил он с отвратительным оптимизмом.

– Слушай, Тихон, – вздохнула Варя. – Давай, я тебе просто заплачу деньгами за ужин. И прекратим этот спектакль.

– Обижаете, Варвара Глебовна, – тоже вздохнул Тихий. И даже как-то смешно надул губы. – Какой спектакль? Я вас ужином от чистого сердца угостил. И подумал: вдруг вы тоже от чистого сердца захотите пригласить меня на чашку... какао.

– Тихон, я тебе от чистого сердца говорю... – начала Варя запальчиво. А потом выдохнула. – Вот как есть говорю. Как на духу. После такого обалденного ужина я могу думать только об одном.

– И это не я, – проявил чудеса сообразительности Тихий. – И не какао.

– Это подушка. В данный момент я могу думать только о сне.

– Понял. Отстал.

Варя не поверила своим ушам в такую быструю капитуляцию. И совершенно правильно сделала.

– В щёчку хоть поцеловать можно, Варвара Глебовна? На прощание, так сказать?

– Можно. – «Неужели обойдёмся малой кровью?» – подумала она. – Только быстро.

– Прямо в первый раз меня просят это сделать быстро, – хмыкнул Тихон. – Обычно просят наоборот.

Варя хотела ответить, но не успела. Потому что ее поцеловали. В губы. Коротким, сухим и тёплым поцелуем. Совершенно необоснованно ее взволновавшим.

– Тихий, это не щека!

– Да? Ну так мы медакадеми́й не кончали, анатомию не изучали.

– Тихон!

– Бывай, Варвара Глебовна. Я позвоню.

После этих слов он обхватил ее шею здоровенной лапшей, наклонился и еще раз поцеловал – так же коротко и сухо, но уже в щеку. А потом повернулся и пошёл. А Варя так и осталась стоять. С раскрытым, между прочим, ртом. И сонное состояние как-то развеялось.

У подножия лестницы Тихон обернулся. Смерил ее странным взглядом, совершенно не поддающимся расшифровке.

– Передумала? Будет какао?

– Нет! – рассмеялась Варя, стряхивая оцепенение, и полезла в сумочку за ключами.

Так под его взглядом и открыла дверь. И закрыла. Не оборачиваясь. Но знала, что он смотрит. Уже перед сном Варвара сообразила две вещи.

Первое. Она не дала ему номер своего телефона. Впрочем, вряд ли для Тихона это станет сколько-нибудь существенной проблемой.

И второе. Она много чего ему рассказала. О работе, отце, матери, брате. Кажется, будто говорила за сегодняшним ужином она одна, притом, что подобная болтливость была не очень-то Варе свойственна. А вот поди ж ты – рассказывала. Потому что Тихон умел слушать. Смотрел внимательно, задавал по ходу правильные и к месту вопросы. Вот Варя

и разговорилась незаметно для себя. А от собеседника Варя узнала только то, что енисейский налим лучше всех прочих налимов. Даже название ресторана, принадлежащего Тину, не узнала.

Действие четвёртое

На сцену выходят второстепенные персонажи со стороны героя.

Но и без этого героиня медленно, но верно попадает под обаяния героя. А кто бы мог подумать?..

Из авторской суфлёрской будки, скептически: «А ну-ка, давайте, удивите меня!»

– Тишенька, здравствуй.

– Здравствуй, мама.

В трубке явственно вздохнули. В этом вздохе и удовлетворение от короткого, но искреннего «мама», и сожаление, что слышится это слово чаще всего только по телефону. Но

сегодня не только по телефону.

– Тиша, мы с Лизой приедем сегодня в Москву, ей надо кое-что купить для школы, а у нас выбор, сам понимаешь, какой. Так, может быть...

– В котором часу приедете? Я встречу.

– Ой, да не надо! Мы дела свои сделаем, а потом бы встретились с тобой где-нибудь...

– В котором часу. Вы. Приезжаете? – чуть ли не по слогам настаивал Тихон. – Или мне самому расписание смотреть и гадать, какой вы электричкой приедете?

В трубке еще раз вздохнули.

– Мам, а давай, я за вами сам приеду? Тут езды-то на машине меньше двух часов.

– Не надо, Тишенька, что ты, не надо! Мы сами доберёмся!

– Ну да... – Желчь всё же разлилась. – Там же на трассе при въезде в город знак висит, поди. «Тихону Тихому въезд в Коломну запрещён».

– Ну что ты такое говоришь, Тиша!

– В котором часу приезжаете? – насильно подавив раздражение, снова спросил он. Нарочито спокойно.

– Ну, всё купили?

– Всё! – радостно кивнула Лиза, прижимая коробку с планшетом к груди. Еще несколько пакетов заброшены в багажник «Эскалады». Шопинг определенно состоялся.

– Спасибо, сынок, – Серафима Андреевна погладила сына по руке. Она едва достаёт ему до плеча. Невысокая, пухленькая. – Не стоило столько денег тратить, правда...

Тихон лишь моргнул пару раз – только это выдало раздражение.

– Надеюсь, он не выкинет покупки в этот раз. Все-таки нужные вещи. Для школы.

– Не выкинет, – спокойно и твёрдо произнесла мать. – И ты не прав, если так думаешь.

– Я всегда неправ, – скривил губы Тихон.

Пятнадцатилетняя Лиза совсем по-детски засопела. Она любила старшего брата. Но не любила, когда он... такой.

– Ну что, поехали обедать? Или полдничать уже? Я сейчас позвоню в ресторан...

– Тиша, не надо к тебе! – всполошилась Серафима Андреевна. – Да зачем? У тебя там всё солидно, дорого, а тут мы. И вообще, у нас с Лизой яблочки с собой есть. И морс. И...

– Тиша-а... – Лиза повисла на руке старшего брата, сразу заметив, как он изменился в лице от слов матери. – А своди меня в «Макдоналдс», а? Ну пожалуйста-а...

Он помолчал. Выдохнул. Машинально погладил Лизу по голове.

– Ладно. «Макдоналдс» так «Макдоналдс». – Взял младшую за руку. – Пошли, Лизун. Главное, чтобы меня там никто из знакомых не видел. А то потом смеха не оберёшься.

– Как дела у Нины и Антона? – Тихон рассеянно болтает пакетиком чая в чашке – больше, чтобы занять руки.

– Хорошо. Работают оба.

– Новостей... нет?

– Нет. Но мы верим и надеемся.

– Мое предложение в силе, – ровно произносит сын.

– Не надо, – твёрдо отвечает мать. – И потом, это твои деньги. Ты их сам заработал. Трать на себя.

– Угу, – тихо и словно себе сказал Тихон. – Мои деньги. Мои грязные деньги.

Только вернувшаяся из туалета Лиза спасла Тихона Тихого от материнской отповеди.

– У Софии как дела?

Именно так. Софии. Не Софьи, не Сони – Софии. София Тихая – барышня серьёзная и строгая.

– София портрет твой рисует, – ответила за мать Лиза. – То есть, – поспешила она исправиться, – пишет. Пишет твой портрет. По фотографии.

– А... – Тихон не на шутку изумлён. – Это же не ее... То есть... Она же в этом... Так у меня день рождения только через полгода... А фотография откуда? – совсем растеряно спросил он.

– А что ты думаешь, у нас в доме нет твоих фотографий? – Голос Серафимы Андреевны сердит. Устала она. Сильно устала от своих упрямых мужчин и их многолетнего раздора. – А ты, Лизавета Аристарховна, взяла и всё выложила!

А София сюрприз готовит на день рождения Тише, между прочим!

Лиза смущённо наклонила голову.

– Лизун, ты знаешь, кто такой Добби? – приходит Тихон на помощь младшей сестре.

– Добби? Это эльф! Эльф-домовик из книжки про Гарри Поттера.

– Хорошая книжка?

– Очень!

– Ладно, – усмехнулся он. – Почитаю на досуге. А расскажи мне вкратце зачем ему подарили носок?

Электричка отходит через пять минут. Последние минуты на перроне.

– Тишенька... – неуверенно, почти робко просит мать. – Ты бы... может... приехал бы, а? У отца ведь день рождения через неделю.

– Чтобы он меня за порог выкинул?

– Да что ты такое говоришь!

– Так ведь было уже.

– Было и было. Теперь... Теперь так не будет. Он изменился, Тиша, сильно изменился.

– Проверять не хочется, – произносит он устало. – Ладно, раз не хотите, чтобы я вас до Коломны довёз – давайте, садитесь в вагон. Скоро отправление.

Серафима Андреевна поднимает руку. Тихон едва замет-

но качает головой. Отрицательно. Но она, подумав, руку не опускает. Крестит ему лоб – мелко, но решительно. И оборачивается к дочери.

– Идём, Лиза. И правда пора садиться.

Лиза Тихая успевает на прощание повиснуть на шее у брата. А потом они с матерью проходят в вагон.

Отхода электрички Тихон не дождался – повернулся и ушёл. Из окна вагона две женщины – одна в возрасте, другая совсем юная – наблюдают, как его широкая спина скрылась в толпе.

Тихон Аристархович не заставил себя ждать. И Варя не знала, рада она ему или нет. Снова накрапывает мелкий дождь. Зонта снова нет. Машину завтра обещали отдать. И что бы Тихому не приехать завтра? Завтра причины для отказа были бы. А сегодня, где их найти? Как?

– Собачьей упряжке привет. – Тихон улыбается так, словно рад встрече. Словно закадычные друзья и не виделись сто лет.

– Только вы, Тихон Аристархович, так изысканно даму приветствуете.

– Ну так я же уникам.

– Доктор, я феномен? – начала Варя фразу из расхожего анекдота. И осеклась.

Но Тихий фразу уже опознал и даже не рассмеялся – заржал. Громко. Искренне. Запрокинув назад голову.

– Жестокая вы женщина, Варвара Глебовна. А всё почему?

– Почему? – спросила Варя немного смущённо. Анекдот всё же на грани фола. Мало ли что Тихий к таким привык. А она сама-то? Сама зачем задаёт такой уровень и тон разговору?

– Потому что десерт не откушали! Исправим?

Варя посмотрела на протянутую ей руку. У него просто огромные ладони. Наверное, даже больше, чем у ее отца. Чем у Кольки. Варя привыкла с детства к обществу больших мужчин. Но Тихон был каким-то особенно крупным. Не размерами. А тем, как она его воспринимала. Остро и нервно. С чего бы?

– Вот что у тебя за манера, Тихон... Приглашаешь девушку в ресторан, когда она только что с работы.

– А чего не так?

– Ты на меня посмотри! – Варя развела руки.

– Посмотрел. – Он только что не облапил ее взглядом – от растрёпанной рыжей макушки далее к оранжево-коричневому шёлковому шарфу, бежевому плащу, синим джинсам и удобным темно-серым кроссовкам. – Меня всё устраивает.

– А меня нет! Люди в ресторан ходят в приличном виде! В красивых платьях! А не в кроссовках на босу ногу.

– Как скажешь. – Он как-то ненавязчиво и ловко подхватил ее под локоть. – В пятницу пойдём при полном параде – вечернее платье, декольте. Декольте обязательно, слышишь?

Варю так ошарашили его слова и натиск, что она позволила усадить себя в машину. И только там уже...

– А не обнаглел ли ты, Тихий? Декольте ему подавай...

– А я галстук одену!

– Надену, – машинально поправила Варвара.

– Надену, – согласился он. – Два. Галстука. Для симметрии к декольте.

И тут она не выдержала. И рассмеялась. И почему с ним так легко? Бывает. Иногда.

И снова в машине пахнет приятно и кожей. И опять «какая-то муть» наполняет салон осенней изысканностью джаза. И опять Варю уютно. И опять Тихон молчит. Но как-то уютно молчит.

– Что у нас сегодня в меню?

– Марго, – усмехнулся Тихон. – В смысле, расстегаи.

– Ого...

– Угу.

Варя улыбнулась незамысловатости их диалога. Собственное хорошее настроение изумляло.

Машина резко перестроилась, и Варю прижало к стенке автомобиля. Сзади раздался громкий сигнал клаксона.

– В ж*пу себе побибикай! – Тихон спохватился: – Извини.

– Ничего. По-моему, в Москве за рулём не ругается только тот, кто не следит за дорогой.

– Это точно! – Тихон потёр левой рукой шею, повёл плечом.

На этот жест Варя обратила внимание еще в прошлый раз. Как врач. Характерный жест. Неслучайный. И сегодня решила спросить.

– Хондроз?

– Чего?

– Ты шею постоянно трогаешь. И плечо. Шейный хондроз? Болит?

Он помолчал, пристально глядя на дорогу. Потом, словно опомнившись, ответил:

– Не. Нет никакого хондроза. Так. Просто привычка дурацкая. У меня ничего не болит.

Не болит. Ноет.

– Варвара, я тебя оставлю ненадолго. Надо кое-что лично проконтролировать.

Варя пожала плечами. Его ресторан, в конце концов. Мало ли. А она хоть в зеркальце на себя посмотрит. Может быть, что-то даже исправит – не оставляет ощущение, что выглядит она так себе. На троечку.

Варя успела припудрить нос, проинспектировать глаза на предмет осыпавшейся туши, нахмуриться по поводу особо непослушных сегодня волос – кончился бальзам. Попробовала на скорую руку убрать пряди в косу. И в этот момент на плечи ей легли большие тёплые ладони. Варя вздрогнула. Как она умудрилась не услышать, что Тихон вернулся?

А потом замерла. Даже дыхание затаила. Его пальцы разо-

брали наспех сплетённую косу. И принялись...

– Кто так косы плетёт, Варвара Глебовна?

Она не смогла ответить, даже если бы в голову пришли подходящие слова. Вообще, больше всего сейчас хотелось застонать от удовольствия. От того, что его пальцы неспешно трогают голову, перебирают волосы. Он... он что, в самом деле, заплетает ей косу?

Стон разочарования удалось подавить чудом – когда Тихон убрал руки.

– Ну вот, – раздался из-за спины удовлетворённый возглас. – Теперь у нас вид приятный и аккуратный, как сказал папаша, отрубив сынишке голову, чтобы излечить его от ко-соглазия.

Спасибо тебе сердечное, Тихон Аристархович. За волшебные прикосновения рук. За то, что заплёл косу. А больше всего – за эти слова, которые рассеяли неуместное волшебство.

– Да вы просто король метафор, Тихон Аристархович!

– Это не я король. А Диккенс. Фраза принадлежит Сэмюэлю Уэллеру из «Записок Пиквикского клуба», – Тихон устроился на стуле напротив нее.

– А синей книжкой было, видимо, полное собрание сочинений английского классика?

– Не, – помотал головой Тихон. – Это Махал Саныч у нас за работой любит в паузах на кухне почитать классика. И фразы этого Уэллера у него на каждый случай жизни при-

пасены. Так что весь ресторан уже в курсе. Вот так-то... Варезка.

– Что?! – Магия того интимного момента, когда он перебирал ее волосы, рассеялась окончательно – сначала радикальным лечением косоглазия, а потом – Варезкой.

– У сестры подружка есть. Варвара. Лиза зовёт ее Варезкой.

Варя подумала – и улыбнулась. Варезка. Мило. И вдруг осознала – Тихон сказал ей что-то, не касающееся ресторана. Что-то личное.

– А меня дома папа зовёт Вареником, – поделилась она в ответ семейным секретом.

Тин улыбнулся. Подпёр щеку ладонью.

– Ой, как я люблю вареники-и...

– И с какой начинкой больше всего? – Варя весьма успешно сделала вид, что подтекста не заметила. Но уголок губ неудержимо пополз вверх.

– С вишней! Вишня вообще самая вкусная ягода. Вареники, пирожки – с вишней всё вкусное!

– Ты прямо как мой брат Коля – тот за вареники с вишней родину продаст! И за сырники.

– Сечёт фишку! – рассмеялся Тихон. – Это тот брат Коля, который хирург?

– Он у меня один брат, слава богу. Двоих таких я бы не выдержала. А у тебя есть еще сестры, кроме Лизы? Или братья?

– Угу, – нейтрально улыбаясь, ответил Тихон. – А расстегаи сегодня с грибами. Ты же грибы ешь, я ничего не путаю?
– Ем. Не путаешь.

Расстегаи превзошли всю выданную им рекламу и авансы. Варя гордилась своими пирогами с капустой. Теперь поняла, что совершенно зря. Зато ясно, к чему стремиться.

А еще они пили какой-то невозможно ароматный чай. И ели мед с брусникой и кедровыми орешками. Тоже невозможно вкусные. Варя собиралась допросить с пристрастием Тихого, а вместо этого развлекала его историями своей студенческой юности. И он так заливисто хохотал, что о своих планах она забыла.

Уже ближе к концу чаепития Варвара вдруг спохватилась. Ведь она снова не обратила внимание...

– Тихон, а как называется твой ресторан?

Он молча подтолкнул ей меню в кожаной папке, лежащее на углу стола. Тёмно-зелёная кожа, тиснёная надпись: «РесторанЪ “ТинЪ”».

– Да уж, от скромности вы не умрёте, Тихон Аристархович!

– Три раза не умру. – Он почему-то не улыбнулся в ответ на шутливую реплику. – Вообще не умру.

– Бессмертный?

– Не доживу до кончины – не тот типаж.

Фраза показалась странной, чужеродной. Словно снова цитата. Из Диккенса или откуда-то еще. И Варя решила не

уточнять. Многие знания – многие печали, как любит говорить отец. Вместо этого спросила другое:

– А почему целых три раза?

– Три ресторана, потому что.

– Ого. И все Тины?

– Нет, – Тихон задумчиво покрутил меню по столу, словно размышляя над ответом. – Этот самый первый – «ТинЪ», – подчеркнул пальцем название на папке. – Второй, в Филях – «ТинТин». Третий...

– Можно, я угадаю?

– Попробуй, – все-таки улыбнулся он.

– «ТинТинТин».

– Не угадала, Варвара Глебовна. Штраф тебе.

– Не может быть!

Тихон полез в карман и вытащил визитку. Варя расхохоталась, только взглянув на нее. Улыбнулся еще раз Тихон.

– Вообще, ты была почти права. Изначально ресторан на Щелчке назывался «ТриТин». Но посетители почти сразу его перекрестили в «Тритона». И мы быстро провели ребрендинг.

– Тритон... – Варя покачала головой. – Ты натуральный уникум, Тихий.

– А я тебе что говорил!

– Слушай... – Ей не хотелось уходить из ресторана. Хотелось отсрочить очередное напрашивание Тина на чашечку кофе-чаю-какао. – А можно мне еще?

– Конечно. – Он послушно наполнил ее чашку из пузатого чайника под разноцветной тряпичной грелкой. – Чабрец, липовый цвет, медуница. Фирменный сбор! Нравится?

– Очень, – Варя отпила душистый напиток. – А ты на самом деле считаешь свой ресторан... свои рестораны одними из лучших в Москве?

– Я бы считал их самыми лучшими. Но есть один, который мне не переплюнуть.

– Ух ты! И кто же это смог обскакать Тихона Тихого, самого главного московского трактирщика? Кто этот смелый?

– «Седьмое небо».

– О-о-о...

– Вот именно, о-о-о. Вот это заведение я бы с удовольствием прикупил. Но... – Тихон развёл руками. – Увы, не по карману.

– Прикупил бы... – рассмеялась Варя. – Вместе с Останкинской башней, видимо?

– Конечно! – ухмыльнулся Тихий.

– Ну да, ну да... Как же иначе. Фаллоцентрическая модель мира во всей красе.

– Эй-эй, полегче с выражениями! – Тихон страдальчески наморщил лоб, демонстративно прижал пальцы к вискам.

– Что, от умных слов голова болит?

– Нет. Но начало умного слова почему-то заставило вспомнить о... какао. Ты не в курсе, почему?

Варя чертыхнулась про себя. Ни хрена себе оговорочка по

Фрейду. И не первая, причём в обществе Тихого.

– Сходишь со мной туда? – Тихон великодушно не стал развивать тему моделей мира. – Ради тебя и «Седьмого неба» я сделаю исключение из правила не есть в чужих ресторанах.

– Посмотрим на твоё поведение.

В легендарном ресторане на Останкинской башне Варя не бывала, но попасть, конечно же, хотелось. Культовое место. И вид, наверное, шикарный.

– Я буду себя хорошо вести.

Конечно, она ему не поверила. И правильно сделала.

Тихон снова проводил ее до квартиры. Варя поняла, что спорить с ним бессмысленно. Самое эффективное – захлопнуть перед его носом дверь. Если успеет, конечно.

– Какао по-прежнему нет. – Варя решила не ждать очередного подката от Тихого.

– Кошмар какой-то! – вдохнул тот. – Просто кризис на рынке какао. Логистика ни к чёрту! Пора брать дело в свои руки!

– Эмн... какое дело? – Варя на самом деле, конечно, отлично представляла, какое «дело» Тихон может взять в свои огромные лапы.

– Какое-какое... Рынок какао, естественно! Я прямо обеспокоен сложившейся ситуацией.

Варя едва слышно фыркнула. Он шагнул к ней вплотную.

– Я в щёчку поцелую?

Это был вопрос. На который ответ не предусматривался.

Но Варя попробовала взбунтоваться.

– Ты не умеешь целовать в щёчку!

– Еще как умею! – Твёрдые губы слегка коснулись ее скулы. – Я несколько вечеров... – Его руки легли ей на плечи, двинулись назад, вниз, по спине. – Изучал... анатомию... – Ладони скользнули еще ниже, легли ей на ягодицы, сжали. – Чтобы не ошибиться.

– Тихон!

– В щёчку же... – Горячее дыхание обожгло ухо и шею. – В щёку целую. Что не так?

Она не придумала ничего лучше, чем со всей силы наступить ему на ногу. Пока не стало слишком поздно. Пока она сама не закинула руки ему на шею.

Тихон даже не дёрнулся. Ну да, что его сорок пятому, навскидку, в тяжёлом ботинке – ее тридцать пятый размер? Вечный предмет для шуток брата, который не упускал случая предложить ей поискать обувь в «Детском мире».

– Тихон... – почти жалобно прошептала она.

Он отстранился.

– Я заеду за тобой в пятницу. Домой. К семи. Не забудь про декольте.

В ответ она инфантильно хлопнула дверью. Перед его носом. Легче не стало.

Действие пятое

Герои уходят куда-то. Вдвоём!

Из авторской суфлёрской будки слышится шелест страниц и возмущённое: «Этого не было в сценарии!» А потом злорадное: «Ну-ну...»

Сама напросилась. Сама. И теперь надо думать на извечную женскую тему: «Что надеть?» А впрочем, без вариантов. И Варвара вытащила из платяного шкафа плечики в чехле. Это платье она надевала единственный раз. Несколько лет назад. И сшито оно было по поводу. По очень весомому и радостному поводу: единственный и горячо любимый брат Колька женился.

Как бы они ни подтрунивали друг над другом, но это всё было внешнее и наносное. А внутри Варя знала: Колькино плечо – самое надёжное. Даже надёжнее отцовского, потому что именно плечом к плечу с братом они получали в детстве нагоняи за проказы, когда у матери кончалось терпение, и к процессу воспитания детей привлекали Самойлова-старшего.

Поэтому свадьба брата стала в своё время весомым поводом, чтобы сверкнуть пёрышками. Не посрамить честь семьи и всё такое. И теперь, спустя несколько лет, платье оказалось кстати – есть в чем выйти в люди. И пусть Тихий себе хоть оба своих бесстыжих глаза сломает! Только, кажется, с того времени, когда Варя надевала это платье, она слегка поправилась. И Варвара решительно потянула вверх чехол. Будем мерить.

Оказалось, что Варя была к себе необъективна. Не поправилась. Похудела. Нет, платье сидело прекрасно, за исключением проклятого декольте. На свадьбе брата всё было как положено. А сейчас... сейчас объёма явно не хватало. Варя разглядывала себя в зеркале, наклонив голову. Вот же несправедливость! Ей всё чудились на себе лишние килограммы, а, оказывается, наоборот – не хватает. И нет бы, чтобы лишнее ушло с живота или, на худой конец, со щёк. Дудки! Самое ценное пострадало. Впрочем, не очень существенно, но, чтобы платье село идеально, просился пуш-ап. Придётся тащиться в бутик белья.

Варвара снова полезла с инспекцией в шкаф. Ага, вот и лаковые вишнёвые туфли-шпильки к платью. И клатч. Ну и славно. Пуш-ап, так и быть, она купит. Тут Варя почему-то вспомнила слова Тихона, что его нагло обманули, и злорадно улыбнулась. А вот тебе еще и пуш-ап, дружок. Любишь поролон?

Ладный, по фигуре, вишнёвый шёлк, короткие рукава, квадратный вырез каре, длина до колена. Со свежкупленным пуш-апом платье смотрелось как надо. «Попробуй-съешь-меня-но-для-начала-не-поперхнись-слюной». Над причёской Варя поломала голову. Силуэт требовал убрать волосы наверх, но ей почему-то думалось... мечталось?.. что распущенные пряди снова привлекут внимание кое-чьих пальцев. В конце концов, вариант был принят компромиссный – убрала наверх, но несколько прядей выпустила – специально для того, кто захочет поправить ей причёску. И его чутких пальцев.

А под вишнёвым шёлком спрятались чулки и вишнёвый же комплект белья – да, одним бюстгальтером дело не ограничилось. Как говорится, если в ваш первый раз с девушкой на ней трусики и лифчик одного цвета, значит, именно она приняла решение, что первый раз будет сегодня. Варя хмыкнула, поправляя резинку чулок. Она ничего не решила. Но быть во всеоружии обязана. И вообще, это так приятно: в кои-то веки ощутить на себе всё это – чулки, красивое кру-

жевное белье вместо, зачастую, удобного спортивного. Шёлк платья вместо привычных джинсов, туфли на шпильках вместо кроссовок. Варя задумчиво поглядела на лаковые туфли у своих ног. Погода вообще не располагала к хождению по улице в лаковых туфельках, а у Вари были вполне приличные ботильоны. И они будут неплохо смотреться с этим платьем. Но «неплохо» – это не то. «Идеально» – вот то, что нам требуется на сегодняшний вечер. И Варя решительно сунула ноги в «вишнёвый лак». А если попадётся лужа... или иное дорожное препятствие – пусть Тихон Аристархович берёт ее на руки и переносит!

Варя так и замерла, нагнувшись, чтобы поправить запятник на туфельке. Потому что поймала себя на двух мыслях. Первая – что Тихон по одному только намёку поднимет ее на руки. Не задумается ни секунды – только повод ему дай для того, чтобы руки в дело пустить. И вторая – ей этого хочется. Чтобы подхватил на руки. Чтобы прижал к себе. Чтобы самой прижаться щекой к его груди.

Варвара тряхнула головой. Разогнулась. И спросила у своего отражения: «Ну, ты веришь, что сегодня вечером ляжешь в постель одна?» И пожала плечами. Она еще ничего не решила. Правда-правда. А чулки и красивое белье – это для себя и собственной уверенности в себе. Честно-честно. Да-да.

– Где декольте? – Он восхищённо оглядел ее: небреж-

но-изысканная причёска, чёрное пальто, перетянутое поясом. И яркими вишнёвыми каплями – туфли, сумочка, шарф. Помада.

– Под пальто. – Она ответно окинула взглядом распахнутое тёмное консервативное пальто, под которым виднелись белая рубашка и галстук. – А где второй?

– Под рубашкой. Будешь себя хорошо вести – покажу.

– Я подумаю, – церемонно склонила голову Варя.

И приняла протянутую руку. Правда, в высокий джип забираться в узком платье оказалось не так уж и удобно. Тихон, помогая ей сесть в машину, не упустил шанса посадить ее именно под попу. Но ее это не только не удивило, даже раздражения не вызвало.

Освобождая Варю от пальто, Никодим-Виталий улыбнулся:

– Вас в общий зал? Грех такую красоту в кабинете прятать.

Варе показалось, что Тихон остался недоволен этим вопросом. Как-то странно дёрнулась бровь. Но кивнул вполне доброжелательно.

– Да, давай в общий зал. За восьмой столик.

А общий зал полон. Да, в пятницу вечером аншлаг бывает не только в травмпункте. И Варя похвалила себя за то, что не поленилась. И что ей за себя не стыдно. И за восхищение в насмешливых серых глазах. И за то, что, усаживая ее на стул, Тихон умудрился ее снова полапать. Слегка огладил изгиб

бедра и выдохнул на ухо:

– Платье – чума. – А потом, выпрямившись и без паузы почти: – Мне по секрету сказали, что телятина в горшочках сегодня особенно удалась. Оценим?

И телятина в горшочке удалась, и разговор заладился, несмотря на то, что ужин у них был «всухую», – Варя отказалась выпивать в одиночестве. Им и без развязывающего язык алкоголя снова нашлось, о чем говорить. И о Добби с подаренным носком, и о традициях русской кухни, и о том, как шить двадцатисантиметровые ножевые раны, и о том, как правильно лепить пельмени.

В одну из редких пауз в разговоре – Тихон был вынужден ответить на звонок и слегка откинулся на спинку стула, ведя беседу по телефону, – Варя принялась его разглядывать. На нем костюм отвратительного цвета: примерно такого же, как и любимый им кофе с молоком. И жуткий галстук. Аляповатая полосатая расцветка родом из шестидесятых прошлого века, наверное. И почему-то Варя была уверена, что надел он этот галстук абсолютно осознанно. С какой вот только целью? Не смогла определиться с ответом.

Тихон заметил ее изучающий взгляд и подмигнул. А потом сказал в трубку чуть громче, чем говорил до того:

– Всё, Рося, отстань. Я сегодня отдыхаю. Не ной. Завтра, если тебе так срочно. Завтра, я сказал! Всё, отбой.

Убрал телефон в карман. Снова подвинулся к столу, протянул руку и вдруг заграбастал Варину ладошку. Кажется,

что из одной его ладони можно сделать три таких, как у нее. Он задумчиво рассматривал ее руку. Варя порадовалась тому, что не поленилась сделать в салоне маникюр.

– А что это у вас, Варвара Глебовна, ногти так коротко острижены?

– Профессия обязывает, Тихон Аристархович. Хирургу длинные ногти только помеха – поверь на слово.

– Ну а как же... – Он провёл большим пальцем по кончикам ее коротких, выкрашенных вишнёвым лаком ногтей. – Как же это – в порыве страсти расцарапать мужчине спину?

– Если очень хочешь ходить поцарапанным – заведи себе кота, – сладко улыбнулась Варя, мысленно встряхивая себя, чтобы избавиться от магии прикосновения его больших ладоней. – Да и вообще, сейчас такие мужики пошли – какой порыв страсти? Не заснуть бы во время секса. Ни малейшего желания спину расцарапать. В лучшем случае – рот зашить.

– О-о-о... – Тихон округлил глаза и рот, брови взметнулись к линии роста волос. – Да неужели в самом деле всё так плохо? Вот беда-то...

А потом он отвернулся к окну – судя по всему, чтобы спрятать ехидную усмешку, и Варя получила возможность полюбоваться на его профиль. А затем уже фас, но всё тот же ехидный – медленно и расчётливо провёл большим пальцем по губам.

– Нет, все-таки, сразу зашивать рот – это чересчур жестоко. Может, я еще проявлю себя? Вот чего ты сразу начина-

ешь...

Варя приснула. А потом зацепилась взглядом за его палец – крупный квадратный ноготь, большая подушечка, прижимающая губы. А потом подняла взгляд к его глазам. И зазвенело между ними. Тонко и уверенно зазвенело.

– Тихон Аристархович, ты нашёл место, где от меня прятаться!

Тин моргнул и резко повернул голову. Варе пришлось сделать то же самое. У их столика стоял... как его там... Славян. На плече которого висела модельного вида блондинка.

– Твою мать! – выдохнул раздражённо Тихон. – Припёрся все-таки!

– Дай бог здоровья моей матушке! – радостно отозвался Славян. – Какие люди! Доктор, – обернулся к Варе, ножкой шаркнул. – Я у вас пациента похищу... похищу... чёрт, всё время забываю, как правильно! В общем, Тиныч, на два слова.

Тихон со вздохом встал.

– Варя, я тебя на пару минут оставляю. А то этот... – кивнул он в сторону вновь подошедшего. – Не отстанет. Кстати, прошу любить и жаловать. Варвара, это Ростислав Ракитянский. Он же Славян, он же Ракета, он же Рося Космонавт.

– Ой, Славик, ты такой разны-ы-й... – пропела блондинка, а Варя поймала ее взгляд – расчётливый. И не на Славика направленный.

– Да, я такой, – самодовольно подтвердил Ракитянский.

– Почему «космонавт»? Работаете на «РосКосмос»? – Варя отчётливо чувствовала, что знает гораздо меньше, чем трое остальных участников диалога. И это ее стало резко раздражать – не знать чего-то Варвара не любила. При ее профессии это просто-напросто опасно и чревато. Словно подтверждая ее слова, троица расхохоталась.

– Потому что цены за свои услуги Ростислав Игоревич ломит космические. – В уголках губ Тихона еще прятался смех. И в глазах.

– Боюсь даже спрашивать, какого характера эти услуги, – пробормотала Варя.

– А вы не бойтесь, Варенька. – Жестом фокусника Ростислав достал из кармана кусочек ламинированного картона. – А обращайтесь, если что. Чем смогу, как говорится... А могу я многое.

– Адвокат... – протянула Варя, разглядывая протянутую ей визитку.

– Адвокат дьявола, – хмыкнул Тин.

– Вот вечно ты, Тиныч, с этими своими словечками... – начал Ракета и осёкся под взглядом Тихона.

– Пошли, – Тихий взял товарища за локоть.

– Тиша, а ты меня не представишь? – Модельная блондинка как-то ненавязчиво перетекла с плеча Ростислава на плечо Тихона. Прижалась.

На ней было короткое пепельно-розовое платье – трикотажное, обтягивающее, с кружевной каймой по низу. И об-

тягивало это платье крутые бедра, узкую талию и бюст размера, этак навскидку, четвёртого. В общем, было там чем прижиматься. На фоне этой секс-бомбы Варя почувствовала себя чуть ли не монашкой, несмотря на вишнёвую помаду и вырез-каре. И еще это секс-бомбино протяжное, даже интимное какое-то: «Тиша-а-а» – просто взбесило. Не пойми с чего.

– А чего тебя представлять, – Тихий резко отстранился. – И так по тебе всё видно. Пошли, Слава. И быстро. Покажи, какая ты ракета.

Варвара проводила взглядом две почти одинаковые мужские фигуры до самого бара, притаившегося в глубине общего зала. Смотрела, как мужчины облокотились о стойку, как к ним метнулся бармен, и как они синхронно отрицательно покачали головами. Как Ростислав достал из кармана сложенный лист бумаги и о чём стал говорить, энергично жестикулируя. Как сосредоточенно нахмурился Тихон. А потом спохватилась и отвернулась. И увидела, что блондинка уже устроилась за столом – напротив нее. На месте, где сидел Тихон. Варя откинулась на спинку стула и сложила руки под грудью.

Смотри, Варвара Глебовна, смотри. Это вот твоя типичная клиентка, если воспоследуешь совету своего великомудрого братца Колика и ринешься в гостеприимные объятия пластической хирургии. Смотри. Примечай. Грудь – однозначно силикон. Губы тоже. Блефаропластика – пожалуй,

нет. А вот идеально очерченные скулы – это явно заслуга хирургов. Сокурсница Вари работала как раз в клинике пластической хирургии, так что Варвара была в курсе модных трендов отрасли. Вспомнились рассказы Ларки о недавно освоенных их клиникой услугах – лабиопластике, кольпорафии и прочих чудесах современной интимной хирургии. Как любила говорить Лара: «В пластической хирургии вопрос «сколько пальцев?» задают до операции, а не после». Вот сейчас у Вари так и чесался язык спросить: «Сколько пальцев?»

– А меня Жанна зовут. Жанетта, – отвлекла Варю от ее, скажем прямо, странных мыслей блондинка.

– А меня не зовут. Ко мне сами приходят.

– Зачем приходят? – хлопнула густо накрашенными ресницами Жанетта.

– За помощью.

– Ты, что ли, и правда, доктор?

Блондинка еще и рот приоткрыла. Или он у нее закрывался плохо из-за силикона. А что... удобно. Всегда наготове. Варя мысленно сделала себе выговор за злость. Правда, не очень успешно.

– Самый настоящий доктор, – кивнула она. Попыталась улыбнуться и, заодно, усмирить гордыню. Вышло не слишком хорошо. – Я лечащий врач Тихона Аристарховича. Самойлова Варвара Глебовна. – Невесть откуда вылез и показал себя во всей красе снисходительный, почти царственный кивок.

– Ух ты, – без особого удивления протянула ее собеседница. – Это по какому же профилю Тише помощь понадобилась?

«Тиша» снова Варвару взбесил. А только ведь уговорила себя не включать гордость и стерву. Какой профиль, спрашиваете? Сейчас придумаем.

Первой мыслью было сказать: андролог. И побаловать Жанетку «денискиными рассказами» – байками от Дэна Батюшко, лучшего друга Вариного старшего брата и, по совместительству, первоклассного хирурга-уролога-андролога. Против этой версии было два соображения. Первое – сильное сомнение в том, что Жанетка знает слово «андролог». Второе – что блондинка совершенно точно в курсе о том, что в области мужской половой сферы у Тихого проблем нет. Чёткое такое ощущение. Даже не ощущение – знание.

Версию про проктолога Варя тоже отмела, квалифицировав ее как «сортирный юмор». И ответила скромно и с достоинством.

– Я психиатр.

Жанна рассмеялась, показав идеально ровные зубы.

– Зачем Тише психиатр?

– Я не обсуждаю своих пациентов с посторонними. Но вам намекну. Вижу, что Тихон Аристархович вам не чужой... – Варя доверительно наклонилась. – Я сомневаюсь пока насчёт диагноза... – Она судорожно стала вспоминать, что рассказывал профессор Полонин на своих лекциях. – То ли шубо-

видная шизофрения, то ли мозаичная психопатия...

Блондинка замерла. Кажется, Варя подвесила систему. А в это время вернулись Тихий и Ракитянский.

– Гражданочка, уступите место инвалиду умственного труда, – Ростислав галантно подал Жанне руку.

И та грациозно поднялась ему навстречу. Но смотрела на Тихона.

– Тиша... Что же ты не сказал, что теперь по рыжим при-
калываешься? Намекнул бы, я бы покрасилась. Ради тебя...

Тихон как-то дёрнул головой. Поджал губы.

– Жанна, конфетка моя, а пойдём вдарим по коктейльчи-
ку? Сейчас нам Лещ сообразит что-нибудь вкусное. – Рука
Ракеты легла на плечи девушки, почти насильно повернула
ее в сторону бара. И они ушли.

И снова Варя проводила пару взглядом. Нет, так вертеть
задом – это природный талант. Варвара обернулась к столи-
ку. Тихон хмуро и задумчиво переставлял на столе тарелку
– вправо, влево. Потом принялся перекладывать с места на
место вилку и нож.

– Это твоя бывшая?

– У меня бывших не бывает. Настоящих тоже.

Вот так, значит? Ни бывших, ни настоящих. Ни будущих.
Только сегодняшняя.

Варя подпёрла ладонью щёку и в упор уставилась на Ти-
хона. Что ты за человек, Тихий? Каждый раз новый. Слов-
но крутящийся волчок.оборот – и новое лицо. Пьяный хам

с раскроенным лицом, нагловатый балагур с букетами цветов, радушный хозяин ресторана, жёсткий администратор успешного заведения, серьёзный бизнесмен в процессе решения каких-то своих серьёзных проблем, циник, презрительно скидывающий со своего плеча роскошных блондинок. И обладатель больших горячих ладоней, широких плеч и насмешливых серых глаз. А волчок всё вертится. И что будет на следующем обороте? Кого она увидит?

– Проблемы?

– Решаемо, – коротко отозвался он. – Десерт оформим? Кофе хочешь?

– Не хочу, – качнула головой Варя. – Голова разболелась.

Он помолчал. Еще раз поменял местами вилку и нож. Усмехнулся.

– Ну да. Голова болит. Это обязательно. И критические дни, наверное, да? Для полноты картины и точной гарантии.

Варя не сразу сообразила, к чему это было сказано. Опешила сначала. А потом дотумкала. И натурально рассвирепела. Теперь циник повернулся лицом к ней. И на этом лице читалась явная насмешка. Дескать, сколько уже можно ломаться? Не надоело еще? Устраиваешь тут детский сад с шитыми белыми нитками отговорками.

Варя выдохнула. Он ее провоцирует. Совершенно точно провоцирует. А даже если и так... Разгладила на коленях салфетку. Ну, понеслась.

– Если тебя так интересует фаза моего менструального

цикла... – начала Варвара медленно. – Ну, а что в самом деле, дело-то житейское, а мы люди взрослые. Мне это вообще, как врачу, понятно и привычно. Рада, что и ты лишён предрассудков. Так вот, возвращаясь к теме цикла. Сейчас у меня как раз овуляция. А во время овуляции у женщин возрастает либидо. Сечёшь, к чему разговор идёт, Тихий?

Тихий просёк. Блеснули весёлой сталью глаза. И тут же прищурились.

– Либидо? Это танец такой, да?

– Танец – это ламбада, Тихон Аристархович.

– Точно. А что тогда... А-а, ну да, – снова сверкнули на щеках обаятельные ямочки. – Я вспомнил. Что такое либидо.

– Молодец. Не зря учебник по анатомии прочитал. Ну, а раз ты такой сообразительный – угости девушку коньяком. Потому что голова, правда, ноет.

Из-за тебя, между прочим. Голову можно сто раз сломать, а тебя всё равно не поймёшь и не разгадаешь.

– Коньяк? Может, вина? – еще раз взлетели вверх брови.

– Тихий, не жадничай. Есть в твоём заведении хороший коньяк? Лет от десяти и выше.

– Ого... Чувствуется знаток, – дёрнул уголком рта Тихон. Обернулся и сделал какой-то жест рукой бармену.

Чёрт его знает, как это у него это получилось, ведь не сказал ни слова, но через минуту на столе уже красовался пузатый бокал. Варя поднесла бокал к лицу и покачала его, как

учил дядя Дима Тихомиров. Пахнет. Правильно пахнет. И первый глоток – тёплым шоколадом вниз.

– Ну как? – Тин внимательно наблюдал за ней. – Годится таблетка от головы?

– Годится, – кивнула Варя. – Сейчас допью. И поедem лечить остальное.

Неизвестно, кого эти слова удивили больше – ее или Тихона?

Огромный джип катил через темноту и неоны реклам. Катил явно не в сторону Вариного дома. Вот и хорошо. Вот и умница, Тихон Аристархович. Давай у тебя. От тебя потом сбежать проще – проще, чем выставить тебя из моей собственной квартиры. Правда, может так случиться, что и сбежать не захочется. Но, на всякий случай...

Варя посмотрела на Тихона. Он вёл машину быстро, благо, что истончившийся поток транспорта уже позволял это делать: ехать, а не тащиться по пробкам. Смотрел на дорогу, молчал, думал... наверное, о чем-то своём. Или о том же, о чём она. Кто его знает? Да и о чём им сейчас говорить? Всё и так понятно. Время разговоров прошло.

Коньяк приятно согрел и немножко, как раз в нужной степени, затуманил голову, сделав всё вокруг приятным и достойным если не любви, то хотя бы умиления. В общем, сейчас Варя была довольна всем – обволакивающим ее запахом кожаного салона, мурлыканьем джаза, мужчиной за ру-

лём. Ну а чем плох-то, в конце концов? Для здоровья – то, что нужно. Успешен, вполне презентабелен на вид. Щедрый, опять же. В том смысле, что материальных выгод из знакомства с Тихим Варя не планировала извлекать, но скупость в мужчинах не уважала. А еще плечи. Почему-то плечи. И рост. Тяжёлый, наверное. Тяжёленький Тихий... И, наверное, совсем не тихий. Интересно, он стонет во время секса? Разговаривает? В животе стало разгораться тепло. Вот и посмотрим. Вот и проверим. Какой Тихон тяжёлый и тихий – в постели.

Машина затормозила на жёлтый перед большим перекрёстком. Тихон вдруг повернул голову, словно почувствовав ее взгляд. Пару секунд смотрел молча. А потом потянул в сторону галстук. Манерно помахал своей здоровенной ладонью перед лицом.

– Жарко что-то... Кондер включить, что ли?..

А Варя усмехнулась. Клоуна изображать вздумал? Уверен, что она уже никуда не денется?

– Тебе только от взгляда моего жарко, Тихий? А что же дальше будет?

Он слегка нахмурился, словно всерьёз раздумывая над ее вопросом. А Варвара бросила взгляд на красные цифры на светофоре. Тридцать пять. Успеет. Наклонилась и поцеловала. А зачем время терять?

Шёлковый у него язык. Шёлковый. Гладкий, умелый. Охрененный. Нет, это коньяк в Варе застонал – не она сама.

Именно из-за коньяка она совсем потеряла голову от одного не очень-то долгого поцелуя. Опоил ее Тихий. Опоил. А потом оплёл своим шёлковым языком. И всё.

Пронзительно загудели, видимо, позади. Варя вздрогнула, но Тихон не отпустил ее. Держал одной ладонью за шею, затылок. И продолжал целовать. Варе не видно было, как вторая его рука опустила стекло и показала в окно «фак». Сзади засигналили сильнее.

Тихон оторвался от нее. И Варя поспешно откинулась в спасительные объятия своего сиденья, ошарашенная и даже слегка отрезвлённая и своим поступком, и его последствиями. А еще своей реакцией.

– Не, кондиционер тут не поможет, – Тихон облизнул губы.

Сзади загудели совсем оглушительно.

– Завидуй молча, придурок!

А потом машина резко тронулась с места. На светофоре уже давно горел зелёный.

Осмотреться Варе особенно не дали. Успела заметить, что дом – новостройка, но без претензий на элитность. В лифте Тихон любезно сообщил с лёгкой усмешкой, что запаса какао – пять сортов в наличии. Но до кухни с пятью сортами какао они так и не дошли. И квартиру Варя успела оглядеть лишь мельком – после того, как включился свет в прихожей. Кажется, двушка. Очень скромно. Не в смысле «бедно» – аскетично. А так вроде бы недешёвые обои, светиль-

ник, встроенный шкаф... И всё. В смысле, ее поцеловали и на этом осмотр квартиры завершился.

Шёлковый у него язык. Шёлковый. И огромные твёрдые ладони уже привычно облапили. Как при первой встрече. Только теперь можно приподняться на мысочки и прижать-ся. И чёрт с ним – спишем на коньяк – тихонько застонать. Потому шёлковый же. Шёл-ко-вый. Этим языком он слизал ее и так весьма условную девичью скромность.

Повела плечами, спуская на пол пальто. Дёрнула вверх его рубашку, вытаскивая из-под ремня. И ладонями под нее. Провела вверх под его довольный и шумный выдох.

– Где второй галстук, Тихон?

– Тут! – Он потянул ее руку обратно вниз. Однако. Щедро одарила природа Тихона Тихого. Всесторонне щедро.

– Ты же говорил, что он под рубашкой? – Варя еще не решила, что делать с вручённым в ее руки сокровищем. Пока просто наслаждалась ощутимой увесистостью и твёрдостью под тонкой, слегка колючей шерстяной тканью.

– Ну, я же не мог тебе сразу с порога про штаны сказать, – хохотнул Тин, плотнее вжимаясь в ее ладонь.

– Какой воспитанный мальчик, – мурлыкнула Варя.

– Совсем невоспитанный, – ответно мурлыкнул он.

– Как-то плохо висит твой второй галстук, – Варвара так и не решалась пока шевельнуть пальцами.

– А он и не должен висеть, – Тихон сжал ее руку. – Не отвлекайся. Действуй.

Вот тут она вдруг чётко поняла, что у Тихого включилась определенная программа. Сценарий. Как всё должно произойти. И в этом сценарии у нее определенная роль – она что-то должна делать сама. И выбора у Вари особого нет. Соскочить с темы уже не получится. Не девочка ведь, знала куда и зачем шла.

Она подавила запоздавшую панику. Отставить. Сама хотела для здоровья. Получай. А потом ее снова поцеловали. Шёлковым языком. И мужские пальцы сжались сильнее, подталкивая к действиям. Ну и ладно.

Понеслось.

Он откатился от нее вбок, рухнул рядом. Туго спружинил матрас, слегка подбросил Варю. Раздался шумный выдох.

– Охренеть... Классно потрахались.

Не то слово как. Главное, проглотить первые двадцать матерных слов.

– И чего я раньше мимо рыжих проходил? Вот дурак я. Если бы я знал, что вы такие горячие...

Мы. Да. Мы. Нас много.

Только любимый брат Коля доводил Варю до такого состояния. Тогда хотелось схватить что под руку подвернётся потяжелее и огреть по башке. Со всей силы. Со всей дури.

И так стало тошно и душно. Душно невозможно, хотя лежит голая и тело уже покрылось мурашками оттого, что другое тело, тяжёлое и горячее, не прижимается больше. Но да-

вит что-то, душит. Уходить надо, и чем скорее, тем лучше.

Варвара резко поднялась с кровати.

– За какао собралась? – с ленивым смешком спросил из темноты Тин. – Если ты пить, на мою долю из холодильника минералки захвати.

К чёрту какао!

– Нет, не пить.

Нащупала ногой на полу свои вещи. Ага, вот, кажется, бюстгальтер. Вишнёвый пуш-ап. Дура. Идиотка.

– А-а-а... Ясно. Туалет – левая дверь.

– Спасибо, – сказала она, натягивая белье. И хорошо, что в комнате темно, и деталей этого торопливого одевания не видно. А даже если бы было видно – уже плевать. – Мне в другую дверь.

– Варя... – Тихон сел на кровати. – Ты чего? Ты куда собралась?

– Домой.

– Зачем домой? – Он сел ровнее. – Еще только первый период закончился. Только-только разогрелись, размялись. Сейчас повторим.

Охренеть как размялись.

– Мне завтра рано на работу, – ответила Варя, протискивая руки в рукава платья. Чёрт, задом наперёд! – У меня проверка завтра, дел куча. Надо выспаться.

– Завтра суббота.

– У меня бывают рабочие субботы. – Чёрт с ними, с чул-

ками. Останутся Тихому на память!

– Варя, что не так? – Тихон откинул простыню, собираясь встать.

– Всё так. Всё отлично. Классно потрахались, – Варя наклонилась и невесомо коснулась его скулы губами. Молодец, собралась! – Не провожай, поймаю такси.

Дверь грохнула диссонансом лёгкому поцелую. Тин откинулся на спинку кровати. Что же ты такая сложная, рыжуня? Сложная, замороченная, капризная? Но сладкая... прямо очень сладкая. Такая сладкая, что он заснул без обезболивающего, несмотря на снова занывшее на дождь плечо.

Действие шестое

Героиня печёт пирожки. Герой их ест.

Из авторской суфлёрской будки, смущённо: «Не, я понимаю, конечно, что в нормальном театре такого на сцене не показывают, но...» В ответ зрительный зал затихает, перестаёт шелестеть веерами и шуршать фантиками конфет.

Он протянул руку, не отрывая взгляда от ноутбука. Лишь в последний момент посмотрел на экран телефона. И замер.

Он никогда не звонил по этому номеру. И с этого номера ему тоже никогда раньше не звонили. И оказался этот номер в телефонной книге его мобильного после того, как бумаж-

ка, на которой номер был записан, перекочевала несколько раз из одной пары брюк в другую. Потом в нагрудный карман рубашки. Потом в джинсы. А потом Тихон сдался и переписал этот номер с маленького кусочка бумаги в клетку, который почти насильно вручила ему мать, в телефон. Раз уж так и не собрался с духом выбросить. И теперь смотрел на цифры и четыре буквы на экране. Отец.

Я помню, что у тебя сегодня день рождения.

Я всё помню.

А телефон всё звонил и звонил. А молодой русоволосый мужчина за рабочим столом, заваленном бумагами, всё смотрел на звонящий телефон и никак не мог решиться. Но потом всё же двинул пальцем по сенсорному экрану. То ли потому, что палец дрожал, то ли по иной причине, но сенсор не сработал. А телефон перестал звонить.

Тихон какое-то время еще смотрел на фаблет в своей руке. Словно гипнотизируя. Чтобы тот снова зазвонил. А потом резко отложил телефон в сторону и уткнулся в монитор. Сам перезванивать не будет. Больно надо.

А на расстоянии примерно в сотню километров, в подмосковной и патриархальной Коломне немолодой седой мужчина смотрел на свою простенькую «нокию». Надо набрать еще раз. Может, не слышал. Может, за рулём. Да мало ли что. Но так и не смог нажать на кнопку вызова.

Трусость – не грех. Но постыдная слабость – для мужчи-

ны в особенности. А сейчас Аристарх Тихий именно струсил. Что сказать, если там, на том конце, все-таки возьмут трубку?

Нет, он знал, что сказать. Точно знал. Но как же трудно эти слова произнести.

Прости меня, сын.

Неделя пролетела как один день. И вот снова суббота. А неделю назад, предыдущим субботним утром Варя убрала под тканевый чехол вишнёвое платье, задвинула подальше в шкаф лаковые лодочки. Все задвинула подальше. И после этого у Варвары словно завод какой-то включился, как в механической игрушке. Не сидела на месте ни секунды. Все выходные промоталась по гостям – родители, брат, подруга. А потом – понедельник, работа. Джинсы, свитер, на смену кроссовкам пришли зимние ботинки, на смену куртке – пуховик. В Москве резко похолодало и выпал первый снег. И хорошо. Белый снег прикрыл мокрую грязь. Можно перевернуть страницу и начать снова. И не выискивать взглядом каждый раз, выходя из подъезда дома или дверей травмпункта, знакомый черный джип.

Неделя прошла в рабочих хлопотах, которые Варя по возможности сама себе еще и дополнительно обеспечивала. Начала формировать папку с материалом для квалификационной работы. Один раз очень душевно и продуктивно посидела с Данькой за очередными плюшками от хозяйственной

Леськи. Вот чего никак не могла понять – как при такой домовитой жене Данила оставался неприлично тощим. Нет, версию про паразитов Варя регулярно выслушивала, когда вслух завидовала Данькиному метаболизму. А несправедливо все-таки. Кому-то и одна плюшка сразу на бёдрах или попе оседает. А кому-то тазик пирожков – не в коня корм.

Вот в том числе и об этом думала Варвара, разъезжая утром субботы по магазинам. Продуктовый – капитально, чтобы на неделю. Хозяйственный – давно собиралась поменять шторку в ванной. Бытовой химии и косметики – прокладки кончились, а скоро понадобятся. И вот эту маску для волос.

Пакеты из машины пришлось тащить домой в два захода. А потом Варя уборку затеяла – на неделе получается редко, а приятно всё же, когда дома чисто. Тем более, чего там убирать, в ее скромной однокомнатной? Но свою квартиру Варя любила, потому что именно своя. И потому что всё там сделано и устроено так, как хочется и удобно ей. И пусть старший брат сколько угодно прикалывается над Вариной коллекцией мягких игрушек, а вот начнут племянницу в гости привозить, будет чем поиграть девочке!

После уборки поставила тесто – опарное, дрожжевое, как бабушка научила. И начинку для пирогов. Надо сделать Даньке ответную любезность. А пока подходит тесто, можно отправиться в ванную, понежиться за новой, в фиолетовых кораблях и дельфинах, шторкой и опробовать куплен-

ную маску для волос.

Чем Варя думала, когда устанавливала в комнате шкаф с зеркальной дверцей, – непонятно. Но пройти мимо него теперь никогда не могла. Вот и сейчас сбросила полотенце, протянула руку, чтобы открыть шкаф, достать свежее белье. И замерла. Разглядывая себя голую. Что с ней не так?

Комплексов у Вари по поводу своей наружности отродясь не водилось. Имея такие яркие акценты во внешности, как копна рыже-золотых кудрей, о многих вещах можно не сокрушаться. Ну, нет у нее длинных модельных ног. Зато грудь вполне – и размер, и форма. И талия тонкая. Правда, на ее фоне бедра казались шире, чем Вале бы хотелось. Но тут уж конституция такая. Типичный гинекоид. Варя вспомнила, как лет в восемнадцать пытала брата – хороша ли? И какая у нее фигура с точки зрения мужчины? На что Колька ответил лаконично: «Нормальная. Фертильная». За что в очередной раз выслушал о себе много интересного. Фертильная! За эту «фертильную» она его чуть не прибила. Тогда, в восемнадцать, ей хотелось услышать что-то другое. Хотя даже тогда, в восемнадцать, она не страдала от отсутствия внимания к своей персоне. Сестра легендарного рыжего капитана сборной меда по волейболу, дочь одного из ведущих травматологов города, староста группы, умница-красавица-заводила и прочее.

Сейчас, спустя почти десять лет, многое изменилось, и не

только у нее. Половина группы уже завела семьи. Кто-то даже развестись успел. Варя и сама чуть замуж не вышла, но вовремя спохватилась.

Иногда они встречаются группой, но всё реже и реже. У всех дела, постоянную связь Варя поддерживает только с Ларкой Есиной, такой же неугомонной, как и Варя в студенческие годы. Но сама Варвара изменилась. Во многом. Она другая. И сейчас ей уже не нужна оценка своих внешних данных слонopotамистым братом. Сама себе цену знает. И свои достоинства. Хорошая у нее фигура. Женственная. И лицо интересное. И вообще... А что тогда не так?

Варя спохватилась. Стоит перед зеркалом нагишом и о всякой чуши думает. Она решительно открыла шкаф. Удобные бесшовные трусики, от которых не остаётся некрасивых следов. Лифчик надевать не стала. Футболка, серые спортивные штаны, убрала волосы в хвост. А маска для волос хорошая оказалась – локон к локону и блестят. Так, ладно, хорош собой любоваться. Ее ждёт тесто.

Тесто подошло прямо как по заказу. Варя поставила на столешницу миску с начинкой – вишня с сахаром, уже подогретая и доведённая до кондиции. С вишней будут пироги – Колькины любимые. И не только... Колькины.

Варя села на табурет, поставила локти на стол рядом с белой фаянсовой миской, полной вишнёвой сладкой массы. И тут завод в игрушке кончился. А Варя заплакала. Сначала потихоньку. А потом... Эх, раз уже всё равно надо проре-

веться, так чего стесняться? И Варя зарыдала всерьёз. Чтобы уж за один раз всю обиду выплакать. Больше поплачешь, меньше пописаешь, как в таких случаях приговаривал отец.

И вот из-за чего, казалось бы? Что случилось? Ведь ничего. Вот именно – ничего. Накопилось, наверное, просто.

И ведь умом понимала, ради чего всё. Что все пути ведут к постели. Ну так уж бабы-дуры устроены. Что верят. Не хотят, а верят. И она самую капельку поверила. Во все эти красивые ухаживания, в душевные разговоры, во взгляды с восхищением. А даже наглым рукам поверила. Потому что какого-то хрена придумала себе, что это только для нее всё, исключительно и эксклюзивно для нее – машины-рестораны-комплименты. А схема-то отработана до автоматизма.

Варя шмыгнула носом. Солёная капля упала в миску со сладкой вишней. Надо быть с собой честной. Не для нее это. Не умеет для здоровья. Просто для здоровья. Потому что если только для здоровья, то всё в ее руках было. Можно было раскрутить Тихого в постели на всё, что угодно. Ей вообще, если трезво вдуматься, повезло еще. Что она о нём знает? Что он может пьяным в драку ввязаться? Что у него три ресторана? Данных маловато для того, чтобы после третьего свидания лечь в постель и не заполучить по нечаянности. Так можно было и на сюрпризы напороться. Он вполне мог быть в постели грубым. Мог оказаться любителем «в попку». Или «в ротик». Или поймать ее без резинки, а это по нынешним временам вообще чревато до чрезвычайности. Всё мог-

ло быть, ведь она его так мало знает. Но нет, всё получилось довольно консервативно. И даже не то чтобы сильно плохо, неумело или быстро. Просто у самой Вари в какой-то момент резко вырубило это-вот-самое ли-би-до. В какой-то момент просто взяло – и вырубило. Наверное, когда Варя осознала, что у нее есть какой-то, скорее всего, двухзначный порядковый номер. Запоздало осознала. И после этого уже о каком кайфе от секса можно говорить? Если ты зажата. И думаешь совсем не о партнёре, не о том, что между вами происходит, а о чём-то другом. И все прикосновения, поцелуи и всё остальное – просто мимо. Мимо тебя. Потому что без либидо человек в постели приравнивается к бревну.

Варя протянула руку и оторвала кусок бумажного полотенца. Шумно высморкалась. Теперь нос и глаза полдня будут красные – с ее белой кожей плакать очень накладно. Ладно, шут с ним, с Тихим и с их неудавшимся сексом. Выводы сделаны, страница перевернута, обида выплакана. Теперь делом надо заняться, а то тесто перестоит. Варвара резко открыла ящик и достала скалку.

Пикнул таймер на духовке, и Варя оторвалась от книги. В своё время она смеялась над братом, над его страстью читать только профлитературу и ничего, кроме этого. А теперь вот сама умыкнула у отца в прошлые выходные практическое пособие по ургентной травматологии и увлеклась им не на шутку. Интересно. И никакого силикона с ботоксом нет

и в помине.

Варя осторожно открыла духовку. Аромат, до этого воровато сочившийся, поплыл по кухне полноправным хозяином. Варвара довольно улыбнулась. Удались пироги! Сегодня они, конечно, вкуснее всего – с пылу с жару, только что из духовки. Но и завтра будут тоже ничего. И в понедельник. Или позвонить Коле и позвать их с Любой на пироги? Словно в ответ на ее мысли тренькнул дверной звонок.

Варя поднялась с табурета. Вряд ли это Коля – предупредил бы. Наверное, соседская девчушка, десятилетняя Катерина на запах пожаловала. И медведей Вариных потискать. Варя улыбнулась и пошла открывать дверь. Здорово, что нашёлся дегустатор на пироги. Сейчас они самые вкусные.

За дверью оказалась не Катя. И даже не Колька. Тихон Тихий – собственной персоной.

– Здорово. – Он шагнул через порог.

И Варя так опешила, что отступила на шаг. Вместо того, чтобы захлопнуть дверь перед его носом. А еще лучше – и нос прищемить.

– Ревела? – Он внимательно посмотрел на нее – припухший розовый нос и покрасневшие глаза. – Из-за меня?

– Тихий! – И больше слов не нашлось. Потому что какого хрена явился?! Потому что откуда узнал?!

– Угу. Я. – И Тихий, как ни в чём не бывало, принялся разуваться.

– А ну стой! Тебя сюда не звали!

– Не звали, да. Я сам. Самостоятельный. Слушай... – Он смешно наморщил нос и принялся. – А чем это пахнет? Никак пирогами?

– Ничем не пахнет! – рывкнула Варя. – Обувайся и проваливай!

– Нет, ну как это я уйду, если я еще чаю с пирогами не пил? – Он обошёл ее и заглянул за угол, на кухню. Присвистнул. – Говорю же – пироги! Варвара, где руки можно помыть?

– В унитазе! И пить оттуда же!

– У тебя, наверное, этот... – Тихон безошибочно открыл дверь ванной и закончил свою мысль уже оттуда. – Синдром...

– Какой, к чёрту, синдром?!

– Ну этот... который противоположен ли-би-до. И овуляции.

Варя забыла закрыть рот, стоя в дверях ванной. Как легко он произносит эти слова. Запомнил? Знал? Да какая, в пень, разница?!

– Тихий, какого чёрта ты припёрся?!

– Соскучился. – Он аккуратно вытер руки, причём именно полотенцем для рук.

– Так соскучился, что неделю не появлялся?! – Ой... господи, выключи во мне эту брошенную идиотку-истеричку!

– Меня Рося в рабство забрал, – неожиданно хмуро и,

словно оправдываясь, ответил Тихон. – Всю неделю мотался с ним, как проклятый, по казённым местам. Землю в собственность оформляли, бумажки всякие, то-сё, пятое-десятое. Да потом еще... – Он вдруг спохватился: – А ты по мне тоже скучала?

– Нет!

– Угу. Я так и понял. Пошли пироги есть.

Тихон протопал мимо нее на кухню. Что Варе оставалось делать? Пошла за ним.

На кухне он моментально сделал несколько вещей. Проинспектировал чайник и, убедившись, что вода в нём есть в достаточном количестве, щёлкнул кнопкой. Добыл себе кружку – Варину любимую, между прочим! Пристроил в кружку пакетик чая, а после этого, приготовив себе всё для чаепития, под шум закипающего чайника, ухватил с противня пирожок. Зашипел, но из рук горячую выпечку не выпустил, принялся дуть и перекидывать с ладони на ладонь.

– С вишней?

Нет, наглость не впереди Тихона родилась. Она вместо него родилась!

Тин, не дождавшись ответа, еще раз хорошо подул на пирожок и откусил.

– Вишня! Горячшшшо. Вкусно! – Он дожевал и проглотил. Тут же налил кипятка в кружку, не вставая с табуретки. И добавил: – Только тесто плотновато. Дрожжи, может, несвежие? Или перестояло?

Желание схватить противень с горячими пирожками и огреть им Тихого со всей силой по башке было таким острым, что Варя зажмурилась. Сидит, сволочь, как ни в чем не бывало. На ее кухне. И трескают пирожки, словно для него их пекли! Только уважение к собственному труду удержало Варю от этого поступка. И то, что противень еще горячий.

– Тихий, я повторяю свой вопрос. Медленно. По слогам. Какого хрена ты припёрся?

Тихон стащил еще один пирог из приоткрытой духовки. Подул в кружку и отпил чая.

– А давай лучше я вопрос задам? Встречный. Что в прошлый раз было не так и какая муха тебя укусила?

Тихий сам не понял, что поднёс спичку к тому, что пока только тлело. А теперь ярость взметнулась столпом бушующего пламени. Но наружу прорвалась вкрадчивым медоточивым голосом.

– Что не так? Да всё так. Всё было просто прекрасно. Классно потрахались.

Только после того, как эти слова сорвались с ее губ, Варя поняла, как они ее задели. Сидели ядовитой занозой всю неделю. А теперь вот она выплюнула их. С наслаждением. Мёд отравлен.

Тихон прикончил половину пирожка и едва слышно фыркнул.

– Да как же. Если бы всё было прекрасно, то сейчас мы бы именно этим и занимались. Классно трахались. Голые. В

спальне. А мы сидим на кухне, и ты меня спрашиваешь, зачем я припёрся. Что-то явно пошло не так.

Вот же, блин, гений дедукции! Да, не так. ВСЁ не так! Но скажу я тебе то, что ты в состоянии понять. А лишнее тебе знать не надо. Варя взяла со столешницы полотенце с петухами и принялась медленно скручивать его жгутом в руках, чтобы изгнать из головы видеоряд «классно трахались – голые – в спальне».

– Скажи мне, Тихий, зачем люди занимаются сексом?

– Это тест на внимательность? На интеллект? Или просто вопрос с подвохом?

– Отвечай.

– Потому что это приятно! – слегка раздражённо ответил Тин и снова принялся за пирог.

Его раздражение принесло Варваре практически физическое наслаждение. Так тебе и надо.

– Приятно, значит... А как это «приятно» называется с точки зрения физиологии?

– Понятия не имею! – Тихон уже натурально рыкнул.

Не понимает, к чему разговор. Злится. Классно!

– Я же медакадемий не кончал, в физиологии не силен.

– Ну что ты на себя наговариваешь, Тихон Аристархович? – мурлыкнула Варя и безотчётно принялась наматывать полотенце на руку, словно повязку. – Ты правильное слово употребил. «Приятно» с точки зрения физиологии называется словом «оргазм». Или, иначе говоря, человек кон-ча-ет.

Тихон отодвинул в сторону кружку и подпер кулаком щеку.

– Очень интересная лекция, профессор.

Достал. Варя шумно выдохнула:

– Тихий, ты кончил?

– Пока нет.

– Я про прошлый раз! – Варя снова метнула взгляд на противень. Руки так и чесались.

– А-а... Про прошлый... Да. Говорю же – классно потрахались. Прямо очень. Я бы повторил.

– Вот чувствую, что я сейчас открою тебе Америку, Тихий... И заодно расскажу, что Земля круглая.

– А вода мокрая...

Варя сжала кулаки так, что даже ее короткие ногти больно врезались в ладони. Упырь! Натуральный упырь! Хам! Бревно! Взгляд Варвары упал на лежащую на разделочном столе скалку. И рука сама потянулась, она отшвырнула в сторону полотенце.

– По башке только не бей, – Тихон опасливо покосился на кухонную утварь в ее руках.

– Ты в нее ешь?

– И это тоже.

Нет, с ним положительно невозможно ругаться. Или очень сложно. Но Варя попробует! Хлопнула скалкой по ладони. Раз, другой. Тихий внимательно следил за ее руками. Но пирог не выпускал.

– Сексом люди занимаются вдвоём. И соответственно удовольствие в виде оргазма должны получать оба. А когда только один получает удовольствие – это не секс, Тихий. Это называется «мастурбация». Мне как-то не в кайф присутствовать при том, как ты с помощью меня дро*ишь.

– Чего?! – Тихий не донёс до рта остаток пирожка.

– Ты кончил. Я нет!

Взгляд у Тихона стал совершенно ошарашенный. Он положил на стол недоеденный пирог.

– То есть... Весь этот сыр-бор... все эти обидки и хлопанье дверями... из-за того, что ты не кончила?

Твою же ма-а-ть... Варя чуть не застонала вслух. Какой же идиоткой она себя выставила! Идиоткой, истеричкой и до кучи – нимфоманкой! Но сказать о своём главном разочаровании не смогла. Ведь и себе она в нём с большой неохотой призналась. А теперь... теперь выхода нет, кроме как реализовывать принцип: «Лучший вид защиты – это нападение».

– Сыр-бор, как вы изволили выразиться, Тихон Аристархович, из-за того, что в постели вы полное ничтожество. Как любовник ты, Тихий – ноль без палочки. Пустое место. Поэтому ты мне больше не интересен. Доедай и уходи.

Сказала и самой себе противна стала. Мало ли что он это заслужил. Мало ли! Самой нельзя опускаться до такого уровня склок и оскорблений. Стыдно.

Тихон отвёл глаза. Потёр висок. Протянул руку и сцапал еще один пирог. Надкусил и задумчиво прожевал.

– Не. Всё нормально с тестом. Показалось мне, что перестояло.

После этого внезапно проснувшееся душевное благородство куда-то делось, и Варя резко отвернулась к окну. Потому что смотреть на Тихого не было никакой возможности. Руки зудят, скалка так и манит. А до рукоприкладства опускаться – это уже совсем стыдно. Особенно для хирурга. Самой же потом придётся первую помощь оказывать. И не факт, между прочим, что Тихий сдачи не даст. Это благородные рыцари на девушек рук не поднимают. Насчёт Тина и наличия у него рыцарского кодекса у Варвары имелись сильные сомнения.

Варя едва слышно вздохнула. За окном стояла соответствующая настроению хмарь. За спиной... А за спиной сначала было тихо. А потом послышалось шумное прихлёбывание, чуть ли не с бульканьем. Сейчас еще и чавкать начнёт. Клоун! Варя прижалась лбом к стеклу и зажмурилась. А еще хотелось уши зажать. И представить, что его нет. И она на кухне одна.

– Варь...

Она вжалась сильнее в стекло.

– Ва-а-рь... Варвара!

– Что? – Надо дотерпеть. Надо.

– А тебе вообще что-нибудь во мне нравится?

Варя обернулась. Сумел-таки... удивить. Снова.

– В каком смысле? – Только тут она сообразила, что скал-

ка всё еще в руках. Положила со стуком ее на стол.

– В прямом смысле, – Тин невозмутимо отхлебнул чай. – Должно же тебе что-то во мне нравиться.

– С чего бы это?! – фыркнула Варвара.

– Да потому что ты умная девушка, Варвара Глебовна. Очень умная. А с чего умной красивой девушке встречаться целых три... Три! – Он поднял указательный палец. – Трижды встречаться с мужчиной, который ей совсем ничем не симпатичен? На прирождённую страдальцу и любительницу хождения по граблям ты не похожа. Меркантильный фактор я тоже исключаю. Значит, что-то есть. Хотя бы что-то одно. Что тебе во мне нравится. Что это, Варь?

И тут Варя с удивлением осознала, что злость куда-то исчезла. Совсем. То ли Варя опять на комплименты повелась – умной же назвал. Красивой. И еще пару завуалированных приятностей сказал. А может, оценила то, как он отреагировал на прямое оскорбление. Ведь ударила в больное – в нежное эго самца. И что? Может, и не поверил. Может, это эго у него космическое и бронебойное. Но всё равно реакция вызвала уважение. Не вспылил, не психанул, не оскорбился. Вместо этого вывернул разговор так, что теперь ей придётся отвечать комплимент ему. Без вариантов.

Варя поняла, что еще чуть-чуть – и улыбнётся. А еще поняла, что среди многочисленных лиц на крутящемся волчке есть тип с офигенными мозгами – расчётливый стратег и великий комбинатор. Пожалуй, по этому показателю Тин об-

скачет всех Вариных знакомых. Ох, Тихий, какой же ты Тихий...

– У меня красивый профиль? Я хорошо вожу машину? Тебе нравится мой смех? Что, Варя, что?

– Ты хорошо целуешься, – с изумлением услышала Варя собственный голос.

– Во-о-т! – Тихон хлопнул ладонью по столу. – Я был уверен, что что-то есть!

А после этого он встал и шагнул к ней. И Варя мгновенно поняла, что сейчас будет. И что она сама себя загнала в ловушку. Подставилась. Просто и по-крупному подставилась.

– Нет, Тихон, нет! Ты не так меня понял! – Она даже руки перед собой выставила. С таким же успехом можно было попытаться с помощью листа ватмана остановить бульдозер.

– Ты же сама сказала, что тебе нравится со мной целоваться. – Он сграбастал ее. В два шага вернулся на место, плюхнулся на табурет с Варей на коленях. – Вот и будем целоваться. Только целоваться – обещаю. Должен же я тебя отблагодарить за пироги.

И в следующую секунду уже раздвигал ей губы кончиком языка. Своего шёлкового языка. И губы пахнут вишней. Варя даже не стала пытаться. И сдалась сразу. Он ведь и в самом деле отлично целуется.

И они целовались. И целовались. И целовались. И только целовались. И он ее даже не лапал, лишь пальцы в волосах мягко массировали затылок. И другая рука на поясице, по-

верх футболки даже – и недвижно. И эта его неожиданная сдержанность почему-то так кружила голову. Вместе с шёлковым языком и вкусом вишни на его губах.

А потом вдруг случились сразу несколько вещей. Что-то затрещало, Тин ойкнул и, оторвавшись от ее губ, резко поднялся на ноги – прямо с Варей на руках. Ей пришлось обхватить его ногами за бёдра, чтобы не упасть. Тихон уткнулся носом ей в шею.

– Варька, ну что ж у тебя такая мебель хлипкая? Чуть табуретка под нами не развалилась!

Варя хихикнула, представив, чем это могло закончиться.

– У тебя есть в доме сооружения пофундаментальней?

Она лишь на секунду задумалась.

– Диван. В комнате. Но мы будем на нем только целоваться!

– Да ясное дело.

И на диване они тоже целовались. Долго. Жарко. Так жарко, что Варя, оторвавшись от вишнёвых губ, стащила с их обладателя серый трикотажный джемпер. И залюбовалась – широченные плечи, рельеф грудных мышц, ниже ключиц короткая, но густая тёмная поросль. Есть на что посмотреть!

– А ты? – выдохнул Тин. У него совершенно поплывшие глаза. Пьяный серый бархат. И припухшие губы. Если бы она увидела его таким в прошлый раз... как знать...

– Ты мне за пироги должен! – Варины пальцы пробежались по его плечам. – Так что сиди и расплачивайся телом

теперь!

– И поцелуями? – спросил он прямо ей в губы.

– И поцелуями! – ответила она, упиваясь так близко его прерывистым дыханием и пьяными глазами. – Мой дом – мои правила. А ты обещал только целоваться!

– Я слово своё всегда держу... – Он пока не целовал, но, когда говорил – губы соприкасались.

И вдруг без предупреждения его ладонь нырнула под резинку спортивных штанов. И под резинку трусов заодно. И прямо... прямо... Варя захлебнулась вдохом. – Это... – выдохнул Тин Варя в губы, – тоже считается поцелуем.

Это было утверждение – на словах. Но в затуманенных серых глазах всё же читался вопрос, на который Варя ответила едва заметным кивком. И он двинул ладонь дальше. Ниже. Глубже.

Либи́до взбунтовалось. Мгновенно и внезапно вышло из-под контроля. Против взбунтовавшегося либи́до и горячих рук Тихона у нее шансов не было. А еще шёлковый язык и пахнущие вишней губы. Без шансов. Варя сдалась. Она хочет оргазм от этого мужчины. Не самодельный в ванной, а от него. От его рук, его губ. Он вызвался сам. Если что – она поможет. Подскажет. Довести девушку до оргазма в первый раз, вот так, пальцами – не так-то просто. Не сложно, но нужен подход и терпение. Ничего, Варя ему подскажет – где надо сначала, а где потом. Как и где. И у Тихона получится. Должно получиться, потому что...

Он просто положил твёрдую подушечку указательного... кажется, указательного... или большого... прямо в самый центр. Слегка надавил. И начал ритмично двигать им. Просто двигать. В самой середине. Ритмично.

Варя рухнула лицом ему в плечо. Задохнулась полыхнувшим по всему телу жаром. Только... только ничего не меняй. Не быстрее. Не медленнее. И ни на миллиметр не сдвигай!

Это была агония. Сладкая агония. Французы называют оргазм «маленькой смертью». И сейчас Варе казалось, что она уже не живёт. Умирает. Что всё в ее организме подчинилось одной только цели – разорвать каменное напряжение, сцементировавшее всё тело ниже пупка. И неужели это ей принадлежит тихий, жалобный всхлип? Протяжный, почти поскуливание. Тихон повернул голову и шепнул:

– Мы же только целуемся...

И поцеловал.

Его голос царапнул хрипотцой. На пальце царапнула... заусеница? Царапнула раз, другой. А потом горячая тяжесть внизу живота мгновенно и бесконечно взорвалась оргазмом. И Варя закричала... или застонала... но что-то громкое... Наверное, даже у соседей слышно... Только всё равно свой голос – словно сквозь вату. И обмякла, если бы не его пальцы. Он ими двинул. Как только почувствовал. Еще дальше, еще глубже. И оказался внутри, в плену ритмично сжимающегося кольца интимных мышц. И внутри стало не пусто. Внутри был он. Два. Или три? Какая разница?! И тут Варю

накрыло второй волной, после которой она могла уже только шумно дышать ему в шею. И смотреть широко открытыми глазами в обивку дивана. В первый раз с ней такое. Первый оргазм с женщиной. Охренеть как это. И ведь это только пальцы. О-хре-неть.

В себя она приходила медленно. И делать этого не хотелось. А хотелось лежать на его плече щекой, и всё. Но всю жизнь так не проведёшь, верно ведь? И надо возвращаться в реальный мир. И как-то объяснить себе, почему она так стояла, что наверняка ознакомила с подробностями своей интимной жизни соседей. И почему его пальцы всё ещё внутри нее. И что вообще теперь с ним делать – после вот ЭТОГО?

Тихон чуть шевельнул пальцами. Дождался, когда она вздрогнет. И шепнул на ухо.

– По-моему, здорово размялись? И разогрелись? Все мышцы... – Он слегка еще погладил ее там, внутри. – Разогретые. Мягкие. Пластичные.

Надо перехватывать инициативу. Иначе она окончательно и позорно поплывёт. И Варя легко прикусила его за шею ниже уха. Дождалась, когда он вздрогнет.

– Что-то мне подсказывает, что у тебя не все части тела сейчас мягкие.

– Факт, – вздохнул Тихон и слегка поёрзал под Варей.

Она в одно движение освободилась от его пальцев. И резко встала на ноги. Чуть-чуть качнулась от лёгкого головокружения.

– Давай разберём диван. И продолжим.

– Нет.

Варя оторопела. Что значит «нет»? Не хочет? Да быть этого не может!

– Диван – это всё равно что постель. А в постели я полное ничтожество. Не пойду в постель.

Варя не смогла определить, что пришло раньше – неловкость за те свои слова или смех. Надо же. Обиделся. Злопаятный. Или просто памятливым?

– Ну, не пойдёшь, так не пойдёшь. Тогда марш на пол. Буду учить тебя вести правильную половую жизнь.

Тин усмехнулся.

– Сними сначала с себя что-нибудь. И я подумаю.

– Как скажешь, – мурлыкнула Варя.

Она повернулась спиной. Дёрнула резинку с волос, отпуская рыжую волну на волю. Стянула футболку, отбросила в сторону. И обернулась через плечо. И улыбнулась довольно. Ох, какой это был взгляд. Такой взгляд, от которого она непроизвольно прогнулась в пояснице и тряхнула волосами. Могла себе представить, как хороша сейчас. Водопад золотистых кудрей по спине. Узкая талия. И крутой изгиб бедра, который подчёркивает резинка серых штанов.

– Остальное... – хрипло выдохнул Тихон.

Варя победно усмехнулась. Она медленно потянула штаны вниз, помогая себе ногами. А затем отшвырнула брюки в другую сторону.

– Симпатичные трусишки, – Тин пристально разглядывал названный предмет дамского туалета.

– Свои давай показывай!

Тихон, не отрывая от нее взгляда, приподнял бёдра. Сквозь зубы что-то нелестное рыкнул по поводу застёжки. Но все-таки стянул джинсы с бёдер, а потом дело пошло быстрее и он спустил штаны на пол.

– Это... лягушки? – неуверенно спросила Варя, разглядывая зелёные фигурки на фиолетовом поле коротких боксёров, обтягивающих мощные бёдра... И кое-что еще. Тоже мощное. – Миленькие.

– Это динозавры!

– Да ладно? А похожи на лягух...

– Сама смотри!

Секунда – и фиолетовые боксёры с зелёными то ли лягушками, то ли динозаврами уже покинули своё законное место, а их владелец широким щедрым жестом швырнул их Варя. Не рассчитал. Две головы запрокинулись назад, наблюдая фиолетово-зелёное пятно, качающееся на люстре.

– Вот красные трусы на люстре... – задумчиво протянула Варя, – это к деньгам. А лягушки на люстре – это к белой горячке, видимо...

– Шутница... – Тихон уже был на ногах, рядом, уже гладил по спине и тянул вниз простые бежевые слипы. И они тоже полетели куда-то в сторону.

– На пол, Тихон Аристархович! – Варя вывернулась из его

рук. – Сейчас я над тобой прямо на полу грязно надругаюсь.

– Как звучит-то угрожающе... – Тин отступил и послушно устроился на полу, закинул руки за голову. – К надругательству готов. Зубы сцепил. – Вздохнул. – Да поможет мне бог.

Варвара, уперев руки в бёдра, разглядывала его. Он, лёжа на полу, точно так же пристально смотрел на нее.

Вот в прошлый раз всё было, как положено. В темноте и на кровати. И было в этой постели и темноте Варе в прошлый раз невозможно тошно и душно. А сейчас – среди бела дня. Тин, голый, лежит на полу. Она, голая, стоит перед ним. Как ненормальные! Но именно сейчас Варе хорошо. Жарко под его взглядом. И легко. Так легко, что, кажется, притопни ногой посильнее – и взлетит. Как булгаковская Маргарита.

– Ва-арь... – отвлек ее от размышлений хриплый голос Тихона.

– Чего тебе, мальчик?

– А ты... везде рыжая?

И тут она вспыхнула лицом, несмотря на их взаимную бесстыдную наготу. Потому что поняла вопрос. И заметила, куда он смотрит.

Подавила желание прикрыться. Вздёрнула подбородок.

– Везде!

– Жаль... жаль, что не могу в этом убедиться. И приходится верить на слово.

Конечно, не мог. В целях гигиены растительность в интимной зоне была выбрита подчистую.

– Ничего. Ты же теперь переключился на рыжих. Вот у других рыжих посмотришь.

Ох... Не только Тихон злопамятный. Она тоже.

– Не хочу у других. Иди сюда, Варя.

И она пошла.

Устроилась верхом, нагнулась, укрыв их обоих занавесом рыжих волос от всего окружающего. Вздрыгнула от того, как коснулись соски коротких волос на его груди. И шепнула.

– Мы только целуемся, Тихий, ты помнишь?

– А что это ты, Варенька, в такой интимной обстановке – и по фамилии меня? По имени противно?

Кольнула неловкость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.